

УДК 94 (470.55) + 930: 81'373.21

А. А. Воронков

**СУБСТРАТНАЯ ТОПОНИМИКА КАК ИСТОЧНИК ПО
ЛИНГВОГЕНЕЗУ СИНТАШТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ. ПОЛНЫЙ
ТЕКСТ.**

Результаты этимологических исследований позволяют заключить, что происхождение ряда субстратных топонимов Южного Урала связано с ранним праиндоарийским (дардо-индоарийским) языком. Моделирование исторических процессов позволяет установить хронологическую связь этих топонимов с абашевской и синташтинской культурами среднего бронзового века.

Ключевые слова: синташтинская культура, абашевская культура, праиндоарийский язык, индоарии, дардские языки, этимология.

Одной из актуальных проблем истории Восточно-Европейских степей изучение этно-лингвогенеза синташтинской культуры развивается в нескольких измерениях. Во-первых, феномен распространенности индоевропейских языков от Атлантики до Индостана является значимым фактором, который следует учитывать при изучении истории евразийских степей. Открытие синташтинских поселений изменило взгляды на предполагаемые пути движения носителей индоевропейских языков. Атрибуция этих поселений оказалась во многом тем звеном, которого ранее не доставало для реконструкции миграций индоевропейцев.

Во-вторых, есть основания полагать, что именно синташтинская культура выступала как первичная культура для последующих культур андроновского круга. Образы языка синташтинцев, следовательно, должны быть матричными для мифологии и мировоззрения населения степных культур в течение тысячелетнего исторического периода.

В-третьих, синташтинская культура привлекает внимание в контексте дивиргенции индоиранской языковой общности. Оценка места и роли синташтинцев в этом процессе представляется одной из ключевых.

Обзор литературы

Можно выделить несколько основных моделей, которые характеризуют население синташтинской культуры:

Модель А: В этой модели распад индоиранской общности датируется периодом не позднее середины III тыс. до н. э. Так Вяч. Вс. Иванов и Т. В. Гамкрелидзе считают, что «есть основания предполагать иранский слой населения» в синташтинской культуре [Иванов, Гамкрелидзе 2013: 130]. По мнению Ю. И. Михайлова «особенности обрядовой практики синташинского населения позволяют рассматривать его как древнеиранский этнос и получают развитие в среде андроновского населения» [Михайлов 2002: 204].

Модель В: Арийская (индоиранская) общность распадается в начале II тыс. до н. э. По мнению И. С. Стеблин-Каменского Аркаим и Синташта представляют эпоху распада индоиранской общности [Стеблин-Каменский 2009: 18]. Е. Е. Кузьмина предполагает, что «Синташта и Потаповка отражают период индоиранского единства, а вся отделившаяся срубная культура принадлежит иранцам» [Кузьмина 2014: 125].

Модель С: Арийская общность распадается скорее к концу III тыс. до н. э. [ЭСИЯ, I: 17]. Синташтинская культура складывается в период отдельного существования древнеиранского и индоарийского. Уже в начале исследований

синташтинских памятников В. Ф. Генинг отмечает обрядовые аналогии ведическим традициям [Генинг 1977: 65,72-73] Г. Б. Зданович по результатам исследований Аркаима и других поселений выдвигает гипотезу об индоарийской принадлежности синташтинской культуры [Зданович 1995: 42].

Описание генезиса Синташты логично начать с краткой предыстории, описывающей диалектное членение и.-е. языков в эпоху средней бронзы Восточной Европы. По данным глоттохронологии, обоснованным группой исследователей (А. С. Касьян и др.), в интервале 3400 – 2200 до н.э. происходит одномоментное разделение узкоиндоевропейского узла на четыре ветви (1) греко-армянскую, (2) албанскую, (3) итало-германо-кельтскую, (4) балто-славянскую-индоиранскую [Kassian, Zhivlov, Starostin, Trofimov, Kocharov, Kuritsyna, Saenko, 2021]. Акцентологические исследования В. А. Дыбо показывают, что в период 2840 – 2480 гг. до н.э. индоевропейская общность разделяется на две основные зоны по акцентному типу: северо-западную и юго-восточную. Кельтские, германские и балто-славянские языки принадлежат к числу архаичных индоевропейских языков, тогда как арийский и греческий – это уже инновационные языки ¹ [Дыбо, 2013: 99, 105].

Ранний период средней бронзы. Археологическим эквивалентом для северной макрогруппы может быть культура шнуровой керамики (3200 – 2300 г. до н. э./1800 г. до н. э.). Около 2750 г. до н. э. культуры шнуровой керамики расширяются на восток от Прибалтики до Волго-Камья, образуя фатьяновскую и балановскую культуры. Область этих культур совпадает с ареалом древнеиндоевропейских гидронимов балтского типа (стадии пра-балто-славянского языка) [Агеева 1985: 101].

В степной зоне Восточной Европы индоевропейская ямная культура ранней бронзы сменяется катакомбной культурой, возникновение которой

¹ В. А. Дыбо допускает, что упрощение акцентной системы в греческом и арийском языках связано с выходом носителей языков юго-восточной группы в степь и переходом к отгонному скотоводству [Дыбо 2013: 106].

синхронизируется с ранним этапом фатьяновской культуры [Кияшко 2003: 104]. В катакомбной культуре можно предполагать эквивалент для оформления юго-восточной инновационной зоны и.-е. языков. Между фатьяновско-балановским и катакомбным ареалами существовали культурные контакты, хотя не очень интенсивные из-за различия степных и лесных типов культуры. А. В. Кияшко отмечает, что эти контакты усиливаются накануне и процессе формирования локальных катакомбных культур Предкавказья, т.е. начиная с середины III тыс. до н.э. [Кияшко 2003: 104].

Практически синхронно с катакомбной формируется полтавкинская культура в Среднем Поволжье и Волго-Уральском междуречье, которая стала результатом сложения традиций пришлых энеолитических лесостепных племен и местного ямного населения под весомым влиянием зарождающейся катакомбной общности [Сухорукова 2008: 18]. Катакомбное влияние настолько значительно, что волго-донской вариант полтавкинской культуры становится базой для сложения волго-донской катакомбной культуры [Кияшко 2003: 103; Сухорукова 2008: 18]. По исследованиям А. В. Кияшко и Е. П. Сухоруковой полтавкинское влияние ограничивается рамками раннего этапа среднего бронзового века [Мельник 2009: 271–272]. На позднем этапе в этом регионе происходит сложное взаимодействие полтавкинского, катакомбного и поздняямного населения более южных/юго-западных территорий [Васильев, Кузнецов, Турецкий, 2000].

В литературе высказывается мнение об арийской атрибуции ямной культуры, а также о ямном генезисе абашевской культуры. Концепция арийской принадлежности древняямной культуры, из которой впоследствии выделяется индоарийская кубано-днепровская культура, разрабатывается в ряде работ Н. А. Николаевой [Николаева 2019: 576]. К. Карпелан и А. Парпола считают, что дифференциация ямной общности выделила ареалы праиндоарийского (Абашево), праиранского (Полтавка) и прагреко-фригийского (катакомбная КИО). Объединяют эти ареалы общие инновации в увеличении вокальных

носовых на *а («аугментные») [Karpelan, Parpola 2003: 79]. Однако поиск арийского ареала в пределах ямной культуры вступает в противоречие с фактами ямно-афанасьевских связей. Ямная культура, особенно её волго-уральская группа стала источником образования афанасьевской культуры в Южной Сибири [Фрибус 2009; Хохлов 2016: 96]. А. В. Фрибус отмечает несколько волн миграций ямников в область афанасьевской культуры: первая на рубеже IV-III тыс. до н. э. и последняя в период со 2-й половины III до начала II тыс. до н. э. [Фрибус 2009]. С афанасьевской культурой связывается ареал «тохарского» языка. «Тохарский» отделился от общеиндоевропейского узла в ещё в IV тыс. до н.э. и не имеет близких связей с индоиранскими языками. Лингвист Г. Карлинг находит следы ещё одного индоевропейского языка в Центральной Азии, из которого имеются заимствования как в пратохарский, так и в ранний индоарийский языки, произошедшие не позднее II тыс. до н.э. [Сверчков 2016: 817]. Возможно, что этот неизвестный язык также связан с миграциями ямных племён.

Поздний период средней бронзы. Смена катакомбной культуры свитой посткатакомбных культур происходит в XXII в. до н.э. Это событие связано с общей аридизацией климата в Европе около 2200 г. до н.э. и последовавшими за этим миграционными потоками на катакомбную территорию. Р. А. Мимоход выделяет два круга посткатакомбных культур: бабинский (прежнее название «культура многоваликовой керамики») и лолинский. Общим для них является генетическая связь с катакомбной культурой [Мимоход 2002, т. 2: 115]. В формировании бабинских культур значимую роль играет миграционный импульс из Центральной Европы и дунайско-карпатского региона (связанный с культурами колоколовидных кубков, унетицкой, Нитра, Муреш) [Мимоход 2002 т. 2: 171]. Образование культур лолинского круга связано с северо-кавказским миграционным импульсом [Мимоход 2002, т. 2: 147].

Бабинская культура обнаруживает значительное сходство с микенскими традициями, что позволяет считать её протогреческой [Березанская 1986: 38].

Катакомбная основа в бабинской культуре, вероятно, связана с носителями прагреческого диалекта. Однако посткатакомбные племена, пришедшие из балкано-дунайского региона, говорили на очень близких наречиях. Греческий язык был практически неотличим от древнефракийского языка [Откупщиков 2001: 308]; к фракийскому примыкали другие палеобалканские языки: фригийский, карийский, македонский. В области Среднего Днепра имеется субстратный слой фракийской гидронимии, возникновение которой О. Н. Трубачёв относит к эпохе ранней бронзы [Трубачев 2009: 686]. Кроме того, фракийский язык имеет значительные совпадения в лексике и топонимике с балтийскими языками [Топоров 2006]. Возможно, что фракийцы в период средней бронзы тесно контактировали со шнуровыми культурами: среднеднепровской и другими.

Под натиском событий, знаменующих распад катакомбной общности, катакомбное население Предкавказья ушло в северном-северо-восточном направлении, приняв участие в формировании посткатакомбных Волго-Донской Бабинской культуры (ВДБК) и Волго-Уральской культурной группы (ВУКГ) [Мимоход 2022, т. 2: 151]. Можно предположить, что данный вектор миграций носителей арийских диалектов продвинулся и до территорий абашевской культуры в Предуралье. Вероятно, часть катакомбников продвинулась и в юго-восточном направлении до Амударьи, где в культуре Заман-Баба, датируемой концом III тыс. до н.э., наблюдается влияние катакомбных и ямных традиций на формирование этой культуры [Кузьмина 2014: 46]. В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что рано обособившиеся заманбабинцы положили начало нуристанской ветви индоиранских языков.

В период XXII в. до н.э. на территории от верховьев Оки на западе до Южного Предуралья на востоке сформировалась абашевская культура (2200 – 1800 г.г. до н.э.) лесного типа. По выводам многих исследователей абашевская культура, как и фатьяновская, принадлежит к кругу культур шнуровой

керамики. Фатьяновские племена генетически связаны с абашевской культурой, предшествуя ей и территориально, и по целому ряду культурных признаков (шахматный орнамент, форма топоров и т.д.). Но сам процесс перехода к абашевской культуре связан, не только с фатьяновцами, но и с новым западным импульсом культур шнуровой керамики. Территории Предуралья достигли носители унетицкой культуры (с территории совр. Словакии), оставившие Бирский могильник. Важнейшая роль в формировании Средневожской абашевской культуры принадлежит носителям культуры колоколовидных кубков, что по целому ряду параметров обосновывает Р. А. Мимоход [Мимоход 2022 т. 2: 175-199]. Среднеднепровское влияние отражается в вольско-лбищенской группе Среднего Поволжья [Васильев 2003]. По характеристике В. А. Лопатина, вольско-лбищенские памятники показывают, что дальняя миграция шнуровых культур затронула также более южную широтную зону днепро-донецкой и доно-вожской лесостепи, изменив прежние «затворнические» императивы лесостепных племён [Лопатин 2012].

С появлением абашевского населения в лесостепном Волго-Уралье контакт лесных культур со степным миром становится более тесным и приобретает черты культурного взаимодействия (общая морфология керамики, мотивы и элементы орнамента) [Кияшко 2003: 106]. Отсюда обоснованным представляется предположение Е. Е. Кузьминой о полилингвизме абашевской культуры, в формировании которой участвовали несколько и.-е. языков: арийский, балто-славянский и другие [Кузьмина 2003: 77; Кузьмина 2014: 125].

Бинарный распад балто-славяно-индо-иранской ветви по С. А. Старостину датируется 2710 г. до н.э. [Blažek 2007: 85]. В филогенетическом древе Т. Оландера это событие происходит между 3000 и 2500 г. до н.э. [Olander 2018]. Доверительный интервал по расчётам А. С. Касьяна и группы исследователей между 2723–1790 гг. до н.э. (средняя дата 2241 до н.э.) [Kassian, Zhivlov, Starostin, Trofimov, Kocharov, Kuritsyna, Saenko, 2021]. В шкале С. Е. Яхонтова языки после расхождения

проходят следующие фазы: 200 лет после расхождения языков – свободное понимание; 500 лет – отдельные случаи непонимания; 1000-1500 лет – отдельные знакомые слова и фразы и т.д. [Яхонтов 1980: 150]. Языки катакомбных и абашевских племён находились на второй ступени различия. В культурном плане это были не сильно разошедшиеся лесной и степной варианты древнеиндоевропейской культуры. Возможно, перемещение части катакомбников в лесную зону и их участие в абашевском культурогенезе стало завершающим фактором формирования праиндоарийского языка.

В XXI в. до н.э. абашевская культура становится одним из компонентов при создании синташтинской культуры в степном Зауралье [Кузьмина 2014: 125]. Большинство исследователей сходятся в том, что сложение Синташты при бесспорной для всех абашевской подоснове, следует увязывать со степным катакомбным компонентом и рассматривать в контексте глобального процесса распада катакомбной общности [Литвиненко 2003: 149]. В формировании Синташты отмечается некоторое участие посткатакомбной ВУКГ [Мимоход 2022 т. 2: 272-280]. Общей катакомбной подосновой Р. А. Литвиненко объясняет значительные сходства синташтинского материала с бабинской культурой [Литвиненко 2003: 149]. Поскольку бабинские племена выступили как основатели Микенской Греции, сложился протяжённый коридор родственных культур от Оби до Эллады, названный Д. Г. Здановичем «синташтинско-микенским хронологическим горизонтом» [Зданович Д. 1995: 65]. По мнению австро-словацких археологов Й. Владара и Й. Лихардуса реалии синташтинской культуры имеют отчётливые связи с генезисом Микенской Греции [Lichardus J., Vladar J 1996].

В литературе рассматривается возможность развития индоарийского языка в ареале абашевской культуры 2-й половины III тыс. до н.э. [Parpola 2002: 79] или многоязычия нескольких индоевропейских языков, включая индоарийский в пределах абашевской культуры [Кузьмина 2014: 125]. Восточные пределы

абашевской культуры фиксируются на Южном Урале, генетически она предшествует синташтинской культуре (Рис. 1).

Рис. 1. Лесные и степные культуры среднего бронзового века Восточной Европы (III тыс.- начало II тыс. до н.э.)

Значимый по объёму массив арийских заимствований в лексике финно-угорских языков всегда был аргументом присутствия индоиранских (арийских) племён в степях Евразии периода древней истории. По мере выделения таких заимствований появлялись и представления об их периодизации. Выделялись заимствования иранского происхождения: сармато-аланский язык (конец I тыс. до н.э. – начало I тыс. до н.э.); восточно-иранский язык (I тыс. до н.э.) и более

ранние периоды, которые предполагались как древнеиранские-праиранские. Однако детальное исследование В. И. Абаева показало, что эти заимствования не являются иранскими, а принадлежат к праиндоарийскому языку [Абаев 1972: 307]. Столь же обоснованны выводы Е. А. Хелимского о том, что наиболее многочисленная и репрезентативная часть заимствований в финно-угорских языках, рассматриваемых в прошлом как иранские, не имеет никаких иранских или раннеиранских черт. Размышляя над этими выводами, Е. А. Хелимский пишет, что эти заимствования «можно было бы признать индоарийскими или ранне-индоарийскими, если только бы такая историческая атрибуция имела права на существование» [Хелимский 2000: 508]. Для решения этой проблемы Е. А. Хелимский выдвинул предложение, что язык, из которого сделаны эти заимствования, мог принадлежать к какой-то отдельной, ныне исчезнувшей ветви арийских языков. Носителей этого языка Е. А. Хелимский связал с андроновской культурой, введя в научный оборот термин «андроновский арийский язык».

В. В. Напольских отмечает что публикация Е. А. Хелимского наилучшим образом отражает вопрос урало-арийских связей, но её выводы оказалась под влиянием экстралингвистических соображений. Лингвистический материал прямо вёл к выводу о том, что описываемый им «андроновский язык» был индоарийским. Однако инерционные представления о невозможности более северной локализации индоарийских языков относительно иранских, оказали влияние на выдвижение Е. А. Хелимским недостаточно обоснованных выводов о существовании неизвестной ветви арийских языков [Напольских 2015: 133]. По мнению В. В. Напольских термин «андроновский арийский» язык является неудачным. Арийские заимствования не ограничивались восточно-финно-угорскими языками, территориально близкими к андроновским культурам, но имеются и в доприбалтийско-фино-мордовских диалектах, которые в начале II тыс. не могли помещаться восточнее Среднего Поволжья [Напольских 2015: 136]. Фино-мордовский материал показывает, что арийско-уральские контакты

могли территориально начаться уже в ареале абашевской культуры, которая стала основой для возникновения синташтинской культуры.

По выводам В. В. Напольских, контакт между праарийским и прафинно-угорским языками начался в степях Южного Урала (в начале III тыс. до н.э.) и продолжился затем между языками-потомками финно-угорского и выделившимся из праарийского индоарийским языком [Напольских 2015: 137]. Распространение иранских языков на Южном Урале начинается лишь с началом эпохи раннего железного века (с рубежа II-I тыс. до н.э.).

По мнению И. М. Дьяконова андроновцы могли принадлежать к дардской и кяфирской (нуристанской) ветви индоиранских языков [Дьяконов 1995: 128].

Одним из древнейших топонимов древнегреческой литературы – Рипейские (Рифейские) горы, известный уже в сочинениях Алкмана – поэта VII века до н.э, многие исследователи связывают с Уральскими горами. Рассматривая этимологию названия гор, Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский обратили внимание, что в гимнах Ригведы (5-й гимн III книги, посвящённый богу огня Агни) говорится: «Он (Агни) охраняет желанную вершину Рипы». Ведический термин «Рипа» имеет полное сходжение с хантыйским словом *rep* – «гора» и компонентом *lip-* в имени скифского царя Липоксая, обычно переводимого как «царь горы» [Бонгард-Левин, Грантовский 1983: С. 90].

Литература по субстрату в топонимике Урала. Стратификация субстратной топонимики Урала, была впервые обоснована А. К. Матвеевым [Матвеев 1961]. Тогда же была отмечена особенность, присущая древнеуральской гидронимике: 1) многообразие гидронимических типов при относительной малочисленности однотипных топонимов; 2) изолированность многих гидронимов; 3) разнообразие источников и т.д. [Матвеев 1961: 134]. Вероятно, данные особенности могут быть увязаны и с проблемой углублённой стратификации индоевропейского слоя в топонимике. За время научного изучения топонимики в трудах Дж. Г. Киекбаева, Т. М. Гарипова и Н. Д. Гариповой был выявлен

пласт топонимики иранского происхождения [Словарь топонимов Бакширской АССР: 4]. В настоящее время появились основания для выделения в топонимике Урала индоарийского субстратного слоя, предшествующего иранскому.

В результате современных исследований Г. Х. Бухаровой был выделен ряд уральских топонимов, объяснимых из древнеиндийского языка (санскрита) – Ря, Рятамак, Сарманай, Сакмара, Гара, Инзер, гидронимы с формантам *тəй-/туй* [Бухарова 2013: 69–71].

Методы исследования

Методологической основой исследования является этимологический анализ топонимов — комплекс методов, в котором основным является сравнительно-исторический метод. Объектом являются так называемые «тёмные, неясные» слова, в которых носителям современных языков непонятны связь формы и значения слова. Предметом является исследование источников и процесса формирования топонимов. Формирование лексики образующей субстратную топонимику происходило в дописьменный период, поэтому в исследование необходимо включается метод реконструкции лексем древнейшего периода. Этимологический анализ предполагает соблюдение трех основных правил этимологизирования: фонетической обоснованности, словообразовательной мотивированности и семантической вероятности. В задачи этимологического анализа входит обоснование исторического контекста формирования топонимов, выделение их связи с культурными ареалами.

Результаты и дискуссия

Говоря об археологических открытиях аркаимско-синатштинской среды, Вяч. Вс. Иванов отметил, что они могут быть интерпретированы в свете возможных лингвистических реконструкций. Конкретные области возможных

исследований включают в себя проблему лингвистической идентификации гидронимов и топонимов и древние названия металлов [Иванов 1999: 45–46].

В период 2013–2021 гг. автором сделана определённая работа в этом направлении. Также частично обозначена тема контактов индоевропейских и финно-угорских языков по металлургической терминологии [Воронков 2019: 366–371]. Представляется, что ряд топонимов Южного Урала, этимология которых считается затемнённой или предлагаемые варианты толкования не отвечают полностью требованиям фонетической или семантической достоверности, могут быть объяснены из раннего праиндоарийского языка (то есть до отделения от него дардской языковой ветви, датируемого периодом не позднее конца II тыс. до н.э.).

Иремель, гора (башк. *Ирэмэл*). Отмечено свыше десяти толкований к этимологии оронима, свод которых имеется в статье Ю. А. Абсалямовой [Абсалямова 2021: 17]. Объясняли от башкирского *ырым* – ‘колдовство’, *ырымлы* – ‘заколдованный’, но эти слова никак не соответствуют по своему звуковому составу башкирскому звучанию топонима – *Ирэмэл*. Авторы словаря топонимов Башкирской АССР возводят к башкирскому слову «*ир*» от «*эйәр*» ‘седло, седловина’ и монгольскому «*амал*» – ‘седло, седловина’, что является отсылкой к форме горы, вершина которой очертаниями напоминает гигантское седло [Словарь топонимов БАССР: 57]. Но многие исследователи уже указывали на сомнительность подобного объединения в одном названии корневых основ из разных языковых групп [Абсалямова 2022: 17]. Искали корни названия в языке манси, переводя его как ‘край [горы, который] сделался низким’ (*Ёр-ём-ёлы*) (Карелин В.), возводят его к глаголу «*иретеу*» ‘плавить’ и переводят как ‘плавильня, место плавки» (Вахитов Р.), объясняют от иранского *aram* – ‘покой’ (Хамидуллин С. И.) и др. толкования [см. Абсалямова 2021: 17]

Можно предположить, что название Иремель реконструируется из праиндоарийского **Īre-mauli*: санскр. *irā* – ‘ветер’ (в локативном падеже *īre*);

ср. др.-греч. *αὔρα* (*aúra*) – ‘ветер’, + санскр. *mauli* – ‘вершина горы’; ср. гэльское шотландск. *mullach* /*muləx*/ – ‘вершина, крыша, пик, крона, гребень’; далее сближается с дако-румынским *mal* – ‘берег’ (диалектн. ‘холм’), дакийский топоним *Dacia Malvensis* = *Dacia Ripensis* – ‘Горная Дакия’, албанское *mal* – ‘гора’, древнемакедонский ороним *Μαλειάων ὄρος*, др.-греч. *προ-μόλη* – ‘подножие горы’, латыш. *mala* – ‘край, берег’, ср.-ирл. *Mell* – ‘холм’, литовское *lųg-malas* – ‘с пологими берегами’. **Īre-mauli* может означать «Вершина ветров». Это соответствует географическим реалиям Иремеля, где с ледникового периода сохранился микроклимат горной тундры. Обычно на горе дуют сильные ветры, а метели зимой длятся 35-63 дня. Часто можно видеть, что вершина горы скрывается в облаках (Рис.2).

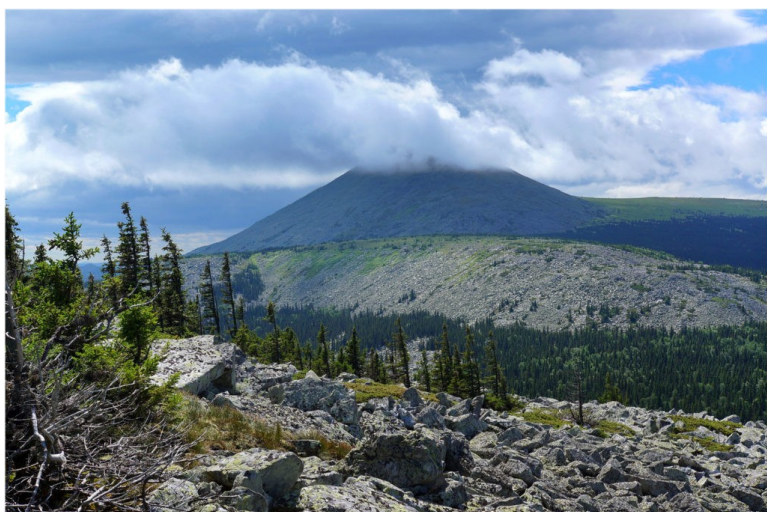

Рис. 2: Гора Иремель (фото)

Следует отметить, что формирование оронимов со смысловым значением «гора ветра» довольно продуктивно: гора Ицыл на Южном Урале (от башкирского ‘вечный ветер’ по Н. И. Шувалову) [Шувалов 1989: 217]; Тэл-позиз – наиболее значительная вершина Северного Урала (значение в языке коми – ‘Гнездо ветров’) [Матвеев 1990: 102].

Аваляк. К массиву горы Иремель примыкает горный хребет Аваляк (башк. Әүәләк). На его восточном склоне, на высоте 720 метров над уровнем моря, берет свое начало река Белая (Агидель). Этимология названия хребта неясна.

По мнению ряда исследователей (Г. Е. Корнилов, М. И. Альбрут) топоним Әуәләк происходит от башкирского слова аулак — ‘безлюдный, глухой, дикий’ [Матвеев 1990: 230]. В других тюркских языках значение слова аулак — ‘место изобилующее дичью’ < от др.-тюрк. *avla* – ‘охотиться’ [ДТС 1969: 70]. Фонетические основания перехода Әуәләк < аулак нельзя назвать убедительными. Семантика такого толкования также вызывает вопросы: чем этот хребет может отличаться в плане «глухости» от любой другой горной местности? Более того, священная у башкир гора Иремель фактически является одной из вершин хребта Аваляк. На гору Иремель осуществлялись ритуальные восхождения, в эпосе описывается народное собрание на этой горе [Абсалямова 2022: 18]. Для данной сакральной местности меньше всего подходит семантика со значением ‘дикое место, глушь’. В литературе толкование Г. Е. Корнилова и М. И. Альбрута зачастую рассматривается как аксиома, хотя А. К. Матвеев отмечал, что это толкование является мнением исследователей [Матвеев 1990: 230]. Иначе объясняется топоним Аваляк в «Словаре топонимов Башкирской АССР» (1980 г.), где допускается этимология от созвучного антропонима.

Поскольку на хребте Аваляк находится исток большой реки, то эта отличительная особенность может рассматриваться как смысловое основание для названия. Ороним Аваляк можно перевести как «Исток-камень» со следующей этимологией:

Компонент Ava- < арийское **au; *ua* – ‘увлажнять, течь’ [ЭСИЯ, I: 256]; и.-е. < **au(e)-9* – ‘увлажнять, течь’ [Рокорпну, I: 78]; др.-инд. *avatá-h* – ‘фонтан’, *avatá-h* – ‘цистерна’; леттское *avuoļš* – ‘родник, ключ’, галльск. *Aventia* – нимфа ручья *Aventicum*, также *Aventīnus* – холм в Риме;

Компонент -liak < и.-е. **lēu-2 : laui-* – ‘камень’: др.-греч. *λαῖϋξ*, – ‘камень’, *λαῖϋγες* – ‘камни’ (у Гомера) < **lāiuk-* с заменой суффикса, валлийское *llech* – ‘валун’; др.-ирл. *līe* – ‘камень’, в род. пад. *līas* < из кельтского **līuank-* [Рокорпну, I: 683]; кашмирское *lākh* – ‘куча вещей, собранных вместе’;

калашское *laṅgá* – ‘камень, каменистое место’ (из дардского кховарского языка, с носовым звуком ŋ).

Ороним Аваляк необычайно архаичен и указывает на язык ранней праиндоарийской стадии, ещё до отделения дардского языка, произошедшего в течении II тыс. до н.э. Его первый компонент не имеет явного развития в иранских языках [ЭСИЯ, I: 256], а второй компонент не сохранился ни в иранских, ни в индоарийских языках. Помимо древнегреческих текстов он сохранился только на дальних рубежах индоевропейской ойкумены: в дардских и кельтских языках.

Археологические свидетельства и особенности дардской мифологии показывают, что предки дардов пришли в Индию ещё раньше ведических ариев, сохранив наиболее архаичные черты общеарийского периода [Кузьмина, 2008: 147–158].

Куркак, хребет. «Куркак» по-башкирски значит «трус», «трусиха». Связь между этим словом и топонимом вызывает сомнения [Матвеев 1990: 259]. Возможно, что это ещё один ороним, название которого сохранило состояние языка ранней праиндоарийской стадии. Поблизости от хребта Куркак расположены поселения аркаимско-синташтинского типа Селек и Улак-I. Ороним Куркак < и.-е. **kuelp-2* – ‘выпуклость’, его вариации **kuelak-* – ‘связка’ [Рокорпу, I: 630]: ср. санскр. *kūrcá-ḥ* – ‘связка’, *kurpara* – ‘локоть, колено’ (< **kuelp-2*), кховарское *kurkun* – ‘локоть’, калашское *harkin* – ‘локоть’. В дардских лексемах *kurkun*, *harkin* отмечается отсутствие перехода *k > ṣ* во втором слоге (в отличие от санскритского *kūrcá-ḥ*). По предположению А. К. Матвеева в древности Куркак мог рассматриваться как одно целое с хребтами Ирендык и Малый Ирендык [Матвеев 1990: 264]. Название Ирендык загадочно [Матвеев 1990: 259]. В таком случае допустимо считать, что этимология оронима Ирендык восходит к др.-иранск. **aratni* – ‘локоть’: **arətni-k* → через этап **ārətnik* (или **airətnik*) → *irəntīk* с метатезой *tn > nt*. Ороним Ирендык,

возможно скифо-сарматская калька индоарийского названия Куркак. Детально вопрос рассмотрен в отдельной статье [Воронков 2021].

Ирентик, озеро. Период поздней бронзы отмечен гидронимом *Ирентик* (озеро Смолино) в Челябинске. Гидроним Ирентик, возможно, восходит к ведическому *iriṇa* – ‘ломкая земля, трещина в земле, яма’, санскр. *īṇa* – ‘солончаки’. Этимология слова *iriṇa* не вполне ясна [KEWA I, 91-92], но так как слово может использоваться в значении ‘бесплодная земля’, то допустимо предполагать семантическую связь с лат. *ārēns, entis* – ‘высохший, иссохший (роса, ручей)’, *arentia* – ‘безводные места’. Это солёное озеро с циклами высыхания-разлива (ныне в стадии разлива). Вблизи озера алакульско-фёдоровское поселение Синеглазово и ряд алакульско-фёдоровских могильников. Фёдоровская культура демонстрирует наибольшее сходство с реконструируемой культурой ведических ариев [Кузьмина 2014: 201]. Вероятно, Ирентик – гидроним фёдоровской культуры, продолжающей языковую линию Синташты.

Оронимы с формантом –ardak. Данный формант впервые выделен А. К. Матвеевым, который сблизил его с осетинской лексемой ардæг – ‘сторона, половина’ [Матвеев 1990: 245–246] < из арийского **ardha*- ‘сторона’ с семантическим развитием в значение ‘склон холма, горы’ [ЭСИЯ, I: 217]: др.-инд. *ardhaḥ* – ‘сторона, половина’, осет. *ардæг* – ‘сторона’. Таких оронимов несколько:

Аджигардак. Ороним из современного башкирского языка, сколько нибудь убедительно, не толкуется [Матвеев 1990: 196]. Не отмечено также объяснений из других языков. Первый компонент в названии хребта Аджигардак можно объяснить из наличия в нём пещеры Ашинская Яма, геологически образованной в результате Ашинского разлома. Это длинная узкая трещина в скале, которая завалена сверху огромными блоками известняка. В этой щели у основания земли есть узкий лаз, ведущий в просторную полость под завалом, называемый

Ашинская яма. В полости под обвалом, которая образует единственный зал, имеются несколько тоннелей, уходящих вниз.

Компонент Аджиг- объясняется следующим образом:

Праиндоевропейский: <i>*gēu-</i> , <i>gəu-</i> , <i>gū-</i> – ‘изгиб, выпячивание’ [Pokorny, I: 393] → палеобалканское <i>*sga-u-</i> / <i>*sgə-u-</i> – ‘дыра, полость’:	
Дако-румынское	<i>zgău</i> – ‘дырообразный’
Албанский	<i>zgaver</i> , <i>zguer</i> , <i>zgori</i> – ‘дупло’
Славянские языки	<i>ззор</i> – русск., <i>mezera</i> – ‘ззор’ (чешск.),
Дардские языки	<i>zəŋg</i> – ‘ззор’ (калашск.)
Нуристанские языки	<i>gurk`ata</i> – ‘сухая пещера’ (кати)
Иранские языки	<i>ziqq</i> (дзыхъхъ) – ‘углубление, впадина’ (осетин.), <i>жавэр-валай</i> – ‘углубление, яма’ (пуштунск.)

И.-е. велярная согласная **ĝ* на праарийском этапе отражается как **j*, сохраняясь неизменной в индоарийских языках. Гласная *ă* в дако-румынском слове *zgău* происходит от и.-е. фонемы **ə*. В арийском языке **ə* переходит в «i». Отсюда возможно предположить праиндоарийскую форму **ji-g* – ‘пещера’ < и.-е. **gə-u-*, которая и отразилась в орониме **Jig-ardak* с протетическим звуком а. От индоарийских языков уже во II тыс. до н.э. отделяется дардская ветвь языков. В дардском *zəŋg* – ‘ззор’ (с носовой вставкой *ŋ*) ²фонема *z* восходит к арийскому **j* ³.

² Носовой звук как в слове *paŋuś* – ‘ноготь’ < арийск. **nakhá* – ‘коготь’.

³ Ср. калашское *zar* – ‘быстрый’ = санскр. *ajira* – ‘быстрый’, авестийск. *zəvīštya* – ‘самый быстрый’ < и.-е. **ĝeu-*; *ĝeца-*, калашское (из кховарского языка) *zak* – ‘сильный’ = санскр. *ūrja* – ‘сильный’, авест. *zavañ* – ‘сила’. Характерны колебания *z/j* в названии селения *Zagar/Jaggar* в Гиндукуше.

В иранских языках происходит процесс ассимиляции $*j > z$. По реконструкции Р. Липпа процесс ассимиляции происходил следующим образом: арийская $*j >$ ранне-праиранск. (ирано-нурист.) $*z >$ праиранск. (с различиями по диалектам) $*d^z, *d^z$ [Напольских 2015: 137]. В осетинском слове *дзыхъхъ* – ‘углубление, впадина’ сохранилась древнеиранская форма $*d^z$, поскольку диалект-предок осетинского законсервировал эту переходную форму. Из скифо-сарматских языков заимствовано слово *дзу, дзугу* – ‘ямка, лунка’ в языке коми.

Зильмердак, хребет (башкирское название – Елмәрзәк). Западный склон гор Южного Урала. На верхней части крутых склонов здесь преобладают смешанные леса, в которых господствующими породами являются липа и вяз [Злыгостев]. В названии хребта Зильмердак скрывается название дерева вяза (ильма). Оно происходит от и.-е. корня $*leima$, откуда индоарийское *elm* – ‘вяз’. Появление инициального спиранта *z* может быть связано с угорским влиянием при отражении топонима: ср. венгерское *szil* – ‘вяз’.

Маярдак (башк. *Мәйәрзәк*), хребет. Значение оронима считается неясным [Матвеев 1990: 238]. Возможное значение «многоверхие вершины»: ср. албанское *t`aj/ë-a* – ‘вершина горы, пик на вершине горы’, др.-инд. *tauṛha* – ‘деревянный кольшек, луч’ или др.-инд. *tauṛkhas* – ‘свая’. Длина хребта - 14 км, ширина — 3- 10 км, высота - 929 м (г. Яндык). Имеются 5 вершин высотами от 700 до 900 м (Ельная, Соколиная и др.) Также на хребте встречаются многочисленные останцы.

*Гидронимы с формантом *-san.*

Куросан – приток р. Уй, бассейн Тобола. Начинается при слиянии рек Мокрый Куросан, Погорелка и Сухой Куросан. По толкованию Н. И. Шувалова название происходит от соединения тюркского *коро, куры* – ‘сухой, безводный’ + монгольского сокращения от *ус(ан)* – ‘вода, река’ [Шувалов 1989: 78]. Едва ли можно считать корректным соединение корней из разных языков. Фонетически

это толкование также вызывает сомнения, поскольку без достаточных оснований элиминируется первый коренной звук «у» (ср. также калм. *усн* – ‘вода’), что не засвидетельствовано ни одним примером. Настоящее же значение слова *сан* в монгольском языке – ‘хранилище, казна’. Гидрологический режим реки не отличается безводностью. Даже из названия двух образующих рек, следует, что одна из них – Мокрый Куросан не пересыхает. Ниже по течению реки имеется даже водопад. Половодье в апреле в среднем длится 27 дней. В этот период река проносит до 70% своего годового стока, расход воды составляет более 8 м³/с (в отд. годы достигает 180 м³/с). На реке часты дождевые паводки. Летне-осенняя межень низкая, ср. месячные расходы воды в этот период уменьшаются до 0,3—0,5 м³/с., но река не пересыхает [Река Куросан]. Лишь летом 2023 полноводная река резко пересохла из-за деятельности золотодобывающей компании и строительства дамб, и данное обстоятельство широко освещалось в СМИ.

Рис. 3. Водопад на реке Куросан, фотография

Вместе с тем формант *-сан* может быть выведен из и.-е. основы **san* со значением ‘влага, течь’: санскр. *saṅklinna* – ‘мокрый, влажный’, бретонск. *sañ* – ‘ручей’. Эта основа образует широкий ряд гидронимов: Санок, Саница, Сана в бассейне Днепра, Сан в Латвии, Сан – приток Вислы, Саан в Тироле, Санданос в Халкидике, Сон в Индии. Река Сан-данос возле ахейского города Олимфос, очевидно ранний ахейский гидроним, сохранивший формант близкий к

арийскому *danū* – ‘река’. Халкидика была освоена ахейцами около XVI в. до н. э. В первой половине II тыс. до н.э. степные культуры Евразии оказали прямое воздействие на образование Микенской Греции и сложился протяжённый коридор родственных культур от Оби до Эллады, названный Д. Г. Здановичем «синташтинско-микенским хронологическим горизонтом» [Зданович Д. 1995: 65]. Возможно, что возникновение гидронима Куросан хронологически относится тому же периоду бронзового века, а его этимология происходит от и.-е. **kur-* – ‘лить’: санскр. *kuraru* – ‘морской орёл’ (где – *kur-* – ‘морской’), мальдив. *koaru* – ‘река’; ср. лат. *kurro* – ‘течь, плыть’, др.-русс. курья – ‘узкий проток реки, залив’ (> река Кур в Курской обл.); балт. племя *kuršiai* (курши), гэльск. *scaird* – ‘пролить’ + **san* – ‘река, влага’. В нескольких километрах от реки находится синташтинское поселение Степное.

Каясан, озеро в Курганской области: возможно от санскр. *ka-ja* – ‘цветок лотоса’ (дословно «рождённый в воде»); санскр. *ka* – 1) ‘радость’; 2) ‘вода’ < и.е. **k^wejā-* – ‘отдохнуть приятно’ + **san* – ‘влага’. Возможное значение топонима: «озеро с кувшинками». Переход *j > y* (*ka-ja > ka-ya*) объясняется при посредстве тюркских языков: ср. переход в гидрониме *Даик* (Птолемей, II в.) → *Джайх*, *Иайх* (Ибн-Фадлан, X в.) → *Яик*. В радиусе 40 км. от озера находится поселение петровской культуры Кипель-I (Кипельское селище), датированное XVII-XVI вв. до н.э.

Гидронимы с формантом -gan

Убаган, приток Тобола. Объясняли на базе народной этимологии от тюркского *уба* – ‘куча наваленных камней, курган, могила’ + *ган* — аффикс, ‘обозначающий наличие чего-либо’ [Койчубаев 1974: 181]. Но ещё ранее вопрос о субстратном происхождении названия реки Убаган был поставлен А. К. Матвеевым. Предположительно второй компонент в составе гидронима связывался с хантыйским *ёхан* – ‘река’ [Матвеев 1961: 139]. Однако, нам представляется, что первый компонент *уба-* в названии реки наилучшим

образом объясним как индоевропейский субстрат [Воронков 2013: 14]. Этимология связана с арийск. **āra* – ‘вода, поток’: санскр. *āra* – ‘вода’. В вост.-иран. языках, в том числе в сакских языках скифо-сакской ветви, отмечается чередование *ār > ūr, ūb*: хотаносакское *utka* – ‘вода’ из **āpatkā*, пушту *obé / ubé*, ваханское *uipk* – ‘вода’. Подобное чередование **ār > u* в ряде других и.-е. языков: лит. *upė*, латышск. *upe* – ‘река, поток’, реки с формантом -ól в Греции (Аσ-ól, Hdt. V. 80; VII. 199), фракийские гидронимы Ὑπλος, Нурius и Ἀξι-οὔπολις, Аxi-uropolis (совр. Черна вода). Дополнительно выделение компонент уба- можно обосновать сравнивая его с гидронимом Уба, притоком Иртыша.

В таком случае второй компонент *-gan* в гидрониме Убаган может быть также объяснён как индоевропейский субстрат:

Праиндоевропейский: <i>*ghan-</i> ; <i>*ghē-</i> ; <i>*ghēu-</i> – ‘зевать’ → ‘зиять’ [Роконн, I: 411,419,449] → арийск. <i>*ghan (jhan)</i> ⁴ → индоарийск. <i>*han</i> :	
Др.-греческий	<i>χάνος (chános); χήν (chén)</i> – ‘зевать’
Пеласгский	<i>*om-kean-os</i> → др.-греч. Ὠκεανός (<i>Okeanos</i>) – ‘река Океан’
Дако-румынский	<i>genun</i> – ‘водная пучина’
Албанский	<i>himë, humnerë</i> – ‘бездна’
Германский	<i>gape</i> – ‘бездна’ (др.-скандинавск.), голланд. <i>garen</i> – ‘зевать, глазеть’.
Славянский	<i>зеница</i> (руссск.)
Валлийский	<i>agendor</i> – ‘бездна’
Дардские языки	<i>hay kárik</i> – ‘зевать’ (калашск.); <i>rahán</i> – ‘глубокое место’ (калашск.)
Индоарийские	<i>hanu</i> – ‘челюсть’ (санскр.) ⁵ , <i>kan'du</i> – ‘океан’

⁴ По мнению Л. Г. Герценберга и В. И. Абаева звонкая придыхательная **gh* ещё сохранялась в арийском языке; по Д. И. Эдельман в арийском уже начался переход **gh* в переходные к сибилантам ступени **jh > *jz* [Оранский 1979: 55]

⁵ Ср. др.-инд. *jambha* – ‘челюсти’, *jambhayati* – ‘разевает рот’, осет. *zæmbyn* – ‘зевать’.

языки	(мальдив.)
-------	------------

В дардском языке калаши лексема *ráhan* – «глубокое место» образована с помощью предлога *râ-* ‘к, в’, определяющего местоположение в сторону от смотрящего. Согласно словарю Ричарда Стренда такое образование характерно для нуристанских языков: *râc'eř* – ‘на вершине, выше’ < арийск. **cir-as* – ‘главный’; *râmt'üs* – ‘между’ < праиндоарийск. **m'adh-ya* – ‘средний’ [NEL, Strand R.]. Дардский язык калашей имеет тесные контакты с нуристанскими языками, обусловленные длительным взаимовлиянием. Таким образом, лексема *ra-hán* – ‘глубокое место’ < индоарийск. **han* (в праиранском ожидаемо **^dzan* / **^dzan* < арийск. **jhan* – ‘глубокий’).

Из и.-е. корня **ghēu-* образован ряд гидронимов: иллир. **Zenta* (р. Зета в Черногории); Дзван – л. приток Днестра < иллир. **Zuen~/*Zuan-* [Трубачёв 2009: 609]; Жвана, Занів, Занев и Зон в верх. Днестра ~ фрак. *Zώνη, Zώνιος* [Шапошников 2012: 303], глубокое озеро *Chiem-see* на юге Баварии.

Формант *-gan* в гидрониме Убаган может быть объяснён из праиндоарийского языка (в праиранском ожидаемо **^dzan* / **^dzan*). Под влиянием более поздних восточно-иранских языков (сакского, скифского, сарматского) происходит переход *āra* > *ūba*. Название *Uba-gan* < **Āra-ghaun* может иметь значение «многоводная глубь». Убаган течёт по Тургайской долине, с цепочкой озёр, крупнейшее из которых в верховьях реки. Вблизи устья Убагана находится синташтинское поселение Убаган.

В ноябре 2023 года А. Абсадык (Кустанайский университет) опубликовал на портале «Наша газета» статью, где также пришёл к выводу, что в основу *uba-* следует понимать в значении ‘вода’. Автор публикации ссылается на работы этнографов XIX века, которые отметили у казахов легенды о водных духах «убба» [Абсадык 2003]. Этимологию этого слова А. Абсадык не рассматривает. Для объяснения второго компонента *-ган* А. Абсадык предлагает считать его сокращением корня от казахского слова «жарган», значение которого по

автору – ‘протекающий’. Читателям предлагается считать, что название реки было «Obajarǵan» (Ubajargan) и «в процессе звучания оно превратилось в сокращенный вариант «Obarǵan» (Ubargan)» [Абсадык 2003].

Однако слово «*жарган*» означает не «протекающий», а «овраг» и происходит из др.-тюркского корня *jar* – ‘рассекать’ [ДТС: 139]. Название речки Сужарган в Кустанайской области означает ‘рассекла вода’ [Битанова 1961: 43]. Необъяснимо никакими законами фонологии («совместимости – несовместимости» фонем), на которые ссылается автор, утверждение, что слово *жарган* в процессе употребления сократилось, и корень *jar*- исчез. На примере гидронима Су-жарган корень *jar*- совершенно прозрачен для понимания и сохраняется целиком.

Большая Караганка. Есть основания считать, что формант *-gan* может скрываться и в гидрониме Большая Караганка на юге Челябинской области на которой находится поселение Аркаим. Название Караганка носят ещё две небольшие реки (не считая Малой Караганки, название которой происходит от Бол. Караганки): а) река с пересыхающим руслом Караганка – приток Синташты (длина 15 км); б) Караганка – приток реки Суундук в Оренбургской области (длина 30 км.). Название Большой Караганки, и Караганки, притока Суундука обычно объясняют из казах. *карауан* – ‘дикая акация’ [Шувалов 1989: 58]. или тюркского *karayan* – ‘степная лиса’. В действительности русское слово *караганка* – ‘лиса’ имеет сугубо книжное происхождение. Как установлено в результате исследований А. А. Позднякова, появление этого слова обусловлено какой-то ошибкой П.С.Палласа, впервые употребившего это слово, в своих записках. Пояснение, что «киргизское» *караган* означает ‘черноушка’ (Schwarzohr) у П. С. Палласа неверно, так как этому русскому (немецкому) слову должно соответствовать тюркское *қарақулақ* [Поздняков 2011: 71].

Для Караганки в Оренбургской обл. в народной этимологии встречается объяснение из казах. *кара* – ‘чёрный’ + *кан* – ‘кровь’. В качестве аргумента для этимологии *кара+кан* ссылаются на наличие выходов бурого железняка на

берегах притока Суундука. Возможно, что гидроним действительно может быть связан с пятнами железняка. В памятниках древнетюркской письменности известно слово *qarayı* – ‘железный купорос, чёрный краситель’ [ДТС: 424]. Это может быть гидроним, объясняемый из древнетюркского *Qaray- – «с бурыми берегами». Отсюда можно заключить, что Большая Караганка и Караганка (приток Суундука) имеют различную этимологическую и семантическую основы.

Не имеет общей основы с Большой Караганкой и название малого притока Синташты. Название малой речки Караганки объясняется от тюркского слова *корыган* – ‘засыхать’ (от *коро*, *куры* – ‘сухой, безводный’), отражая характер маловодной и пересыхающей летом речки [Шувалов 1989: 58]. В книге 1901 года Караганкой называли также реку Кураган – приток Сакмары [Кувандыкская энциклопедия: 291] (об этом гидрониме см. ниже). Разумеется, без анализа этимологии и семантических связей в образовании гидронимов все эти названия звучат одинаково, что объясняется нивелирующим влиянием слов *караган* – ‘дикая акация’, заимствованного в русский язык и книжного слова *караган* – ‘лиса’, получившего распространение в литературе.

Относительно реки Большая Караганка также есть основания сомневаться в происхождении названия от кустарника карагана. Как правило, названия растений, функционирующие в роли главного компонента географических названий, связаны с пойменными лесами и кустарниками. «В гидронимических топонимах раскрываются особенности течения, цвет, вкус, запах воды, особенности русла и поймы» [Басик 2006: 57]. Для иллюстрации этого тезиса сразу представляется река Тисса, где вплотную к воде подступают сплошные ряды тиссовых деревьев. Однако в пойме реки Большая Караганка кустарник караган никак не растёт, хотя он не редок для окружающей степи. Отдельные выходы кустарникового карагана отмечаются лишь на высоких берегах.

На породный состав пойменных лесов влияет множество факторов: конкуренция растений, режим затопления, химический состав воды, мощность

и гранулометрический состав наносов, геоморфологические особенности строения долин [Пойменные леса].

Чтобы исключить антропогенный фактор (а именно поедание караганы выпасаемым скотом и распахивание земли) обратимся к материалам исследования степных экосистем на территории заповедника «Аркаим», где хозяйственная деятельность не осуществляется с 1991 года. Сравнение панхроматического аэрофотоснимка этой территории 1978 года и спектрзональных космоснимков 2018 года показало, что пойма Караганки на обоих снимках зарастает тростником с включением ивы [Плаксына, Маркова, Макарова 2021: 645-646]. За пределами поймы закустарникование территории степи увеличилось с 0.2% территории в 1978 году до 9,1 % в 2018 г. Однако 8,6 % из этой цифры составляют территории с разреженными кустарниками (5-30 % закустаренности) и лишь 0, 5 % густые кустарники (50-100 % закустаренности). Более ранние публикации 2001 года показывают, что кустарниковая растительность восстановилась всего за несколько лет, после прекращения хозяйственной деятельности [Плаксына, Маркова, Макарова 2021: 643]. Так же по нашим личным наблюдениям закустаривание отмечалось уже в 1993 году. Закустарникование *caragana frutex* отмечено только на левой стороне реки, флора правой стороны развивалась без участия караганы.

За прошедшие более чем 30 лет после введения режима заповедания кустарниковая карагана никоим образом не стала произрастать в пойме реки Большой Караганки. Следовательно, отсутствие этого растения в пойме обусловлено природными особенностями экосистемы реки. Это растение предпочитает сухие почвы, избегая влажных, и не может прижиться в пойме широко разливающихся рек. Нет оснований утверждать, что растение карагана определяющее для характеристики реки.

Возможно, что совсем другие признаки стали основой для происхождения гидронима. Большая Караганка характеризуется как река с чистой водой.

Протекая по зоне тектонического разлома, глубина реки достигает 3-5, иногда 8 метров, при небольшой ширине. Исходя из этих свойств реки первый компонент **kara-* также возможно объяснить как индоевропейский со значением «чистая, процеженная (вода)»: санскр. *karka* – ‘белый’, сингальское *karā-дийа* – ‘морская вода’ (из пракритов), пуштунское *kara(h)* – ‘чистый, незамутнённый’, сарыкольское *kardoz* – ‘цедить, фильтровать’, фрак. *skarke* – ‘серебряная фракийская монета’, гэлльск. *criathradh* – ‘фильтровать’, валлийск. *cray* – ‘чистый’, *croyw* – ‘прозрачный’ (Рис. 4).

Рис. 4: Слияние рек Большая Караганка и Утяганка во время весеннего паводка. На пойменном острове – поселение Аркаим. Аэрофотосъёмка. Источник: Зданович Г. Б, Малютина Т. С., Зданович Д. Г. Археология укреплённых поселений. Кн.1. Челябинск: Изд. ЧелГУ, 2020.

Для большой Караганки в ряд гидронимических параллелей с той же основой **kara-*, вероятно входит обмелевшее озеро **Каратай** в Варненском районе Челябинской области, где второй компонент, возможно = санскр. *toya* – ‘вода’; ср. лит. *tvenkinys* – ‘пруд’ (семантически родственно санскр. *toya* [LKEŽDB], др.-бритт. *taih* – ‘река’, бретон. *douet* – ‘пруд’, авестийск. *dāitya* – «вода, ср. также сингальское *karā-дийа* – ‘морская вода’.⁶

⁶ Близ озера Каратай находится озеро Чекатай. Оба гидронима трактуются как антропонимы [Шувалов 1989: 60, 138], однако скопление озёр с общим формантом *-тай* может быть признаком другой этимологии (индоевропейской или финно-угорской, ср. венг. *tó* – ‘озеро, пруд’ а также болгаро-казанский гидроним *каратай* – ‘чёрная река’, который стал основой для наименования этнической группы *каратаи*).

Утеганка (Утяганка), река, возможно < арийск. *aud: ud – ‘пробиваться родником’: санскр. *udaka* – ‘вода’, *utsa* – ‘родник’, авест. *aoda* – ‘родник’; ср. фрак. *Utus* – название реки, умбр. *utur* – ‘вода’ > источник *Juturna* в Риме. У слияния Утяганки с рекой Большой Караганкой находится синташтинское поселение Аркаим.

Для объяснения гидронима чаще всего привлекают башкирское имя Утяган (Үтәгән) или казахское Утеген (форма от имени Отелген). Эллиптическая форма гидронима с атрибуцией от собственного имени и отпадением географического термина возможна. Но не исключена и возможность деления данного гидронима на атрибутивную часть от основы **uta-* с присоединением географического термина **gan*. Возможно, что есть системная связь компонента **uta-* с гидронимом *Ум-елга* в Ишимбайском районе Башкортостана, этимология которого неясна [Словарь топонимов Башкирской АССР: 157].

К той же системе может принадлежать и гидроним *Утарка* (бассейн Урала) в Челябинской области, на котором находится синташтинское поселение эпохи бронзы Куйсак. По объяснению Н. И. Шувалова от тюркского слова *утар* – ‘загон для скота, двор’ [Шувалов 1989: 133], словарное значение этого слова в башкирском языке – ‘зимовье, хутор’. Степи Южного Зауралья начиная с раннего железного века и до XIX века функционировали как область летних кочевий, без археологических следов поселений. Одноимённый с рекой посёлок Утарка основан только в 1924 году, и достоверно известно, что название он получил от реки. Сам тип кочевого хозяйства, где данная территория почти три тысячелетия была областью летних кочевий, противоречит толкованию Н. И. Шувалова, возводящего гидроним к слову, настоящее значение которого не просто ‘загон для скота’, а ‘зимний загон для скота’. На летних кочевьях всегда был только свободный выпас скота и загонов просто не предусматривалось.

Что действительно важно для летних кочевий это правильный маршрут для стада, и здесь особое значение имеют такие объекты, как броды, переправы через реку. Отсюда закономерно предположить объяснение гидронима Утарка

от санскр. *uttāra* – ‘водная переправа’ (*tara* – ‘преодолевающий’). Название переправы, даже если оно возникло в бронзовом веке, могло законсервироваться как значимый ориентир для маршрутов кочевий.

Башкалган, река в Оренбургской области. Значение затемнено. Широко распространена народная этимология гидронима: «голову оставил» (якобы на реке погиб какой-то комиссар в годы Гражданской войны). Топонимист С. М. Стрельников пробует объяснить от сложения башкирских слов *баш* – ‘вершина, исток’ + *калган* – причастие прошедш. врем. от *кальгу* – ‘оставаться’, т.е. «оставшийся исток, оставшаяся вершина» [Кувандыкская энциклопедия: 49]. Однако семантика такого объяснения вызывает вопросы. 1). Возможно, что первый компонент гидронима связан с санскр. *bāṣ-ṛa* – ‘слёзы, пар’; ср. иллир. *Bas-san-as* (река Босна на Балканах) где компонент *Bas-* происходит от иллирийского деривата и.-е. корня **bhoǵ* – ‘бегущая вода’ (по А. Майеру). В праиндоарийский и праиранский диалекты корень **bās* мог и перейти из иллирийского языка в процессе иллиро-арийских контактов в период распада катакомбной культуры. К этому периоду относится возникновение гидронима Баксан в Карачаево-Черкесии. Первый компонент гидронима восходит к кельтскому **bak-* – ‘бегущая вода’ (ср. гидроним *Vacchiglone* в Венето); о компоненте *-san* см. выше. Семантика «бегущая вода» → «пар» могла актуализироваться в период максимума аридности XXII в. до н.э.: иллир. **bās* – ‘бегущая вода’ > арийск. **bās* > индоарийск. *bāṣ-* – ‘пар, слёзы’, др.-иранск. **bāh-* – ‘пар’ (курд. *bixar* – ‘пар’); черкесское слово *баху* – ‘пар’ из иранских языков; 2) второй компонент от арийск. **ghâla* – ‘лить’: маратхи *gaḷatī* – ‘разливать’, синг. *galanavā* – ‘поток’; нуристан. *âg'ol* – ‘дождь’ < арийск. **ud-ghâla* – ‘выливание’ (ср. долина Башгал в Гиндукуше, где *gal-* является типичным формантом для гидронимики этого региона); 3) **han* – ‘река’. Также можно допустить, что переход **g* > *k* произошёл при посредстве иранских языков (ср. схожее осетинское слово *kælun* – ‘литься, сыпаться’, которое, однако, имеет иную этимологию [ЭСИЯ, IV: 265]).

Кураган (Кураганка) (приток Сакмары, бассейн Урала). Река Башкалган является притоком Курагана. По версии С. М. Стрельникова сближается с алтайским *кураган* – ‘ягнёнок’ (тувинское *хураган*, монгольскому *хурга(н)* – ‘ягнёнок’) или происходит от башкирского глагола *короу* – ‘засыхать, пересыхать’ [Кувандыкская энциклопедия: 291]. Возможно, что Кураган также < праиндоарийск. **kuḡ-*, ‘проливать’, также как и река Куросан (см. выше) + формант *-g(han)*. На правых притоках Сакмары отмечается скопление абашевских памятников (Белозёрка – I, Буланово – II, могильник у горы Берёзовой).

Калганка (река в бассейне Уфалея): возможно из санскр. *kal* – ‘звучать» < и-е. **gal-* (2) (*Köbler*) – ‘кричать, звенеть’ + формант **han*, что означает «звонящая, звонкая река», учитывая шумное течение горной речки. В 25 км. от реки находится самый северный памятник абашевской культуры – поселение Серный Ключ, датируемое рубежом III-II тыс. до н. э. [Борзунов и др. 2020].

Ошибочно толкование этого топонима от названия травы калган (лапчатка) [Шувалов 1989: 54], которое является примером кабинетного привлечения созвучного слова к неясному топониму. Дикий калган – луговое растение, тогда как Калган – река горная. Главное же, что слово калган это несколько изменённое китайское *dāoliáng jiāng* (> *galangal* в хинди), его синонимы: *галанган*, *галанга*, *галангал*, *галгант*, *налганный корень*. Эту пряность из семейства Имбирных стали привозить в Россию только в пару столетий назад из Китая. Не все покупатели могли позволить себе дорогую пряность, и её, со временем стали заменять лапчатником, на который и перешло название калган, что произошло лишь в XVIII-XIX веках. Если даже допустить, что название реки появилось только в XIX веке, то привязка лугового низинного растения к быстротекущей горной реке произвольна.

Блашта, Боласты – река, приток реки Уфалей. Калганка является притоком Блашты. Отмечается несколько схожих топонимов: *Болашты (Булышты)* –

озеро в Белорецком районе Башкортостана, от диалектного *болашты* – ‘спорный’ [Словарь топонимов Башкирской АССР: 37], ср. топонимы в ближайших районах: *Болашты (Талашты) яланы* – поляна у деревни Кирдасово в Абзелиловском районе, *Болашты* – речка в Бурзянском районе. Однако, возможно, что в данном случае можно предполагать омонимию и *Боласты* – приток Уфалея, довольно удалённый от вышеперечисленной группы топонимов, имеет иную этимологию. Обратим внимание на характер реки: это быстрая горная река с каменистым руслом. От истоков до устья имеет большое падение (ок. 300 м). Возможно эти характеристики реки восходят к санскритскому *bala-ṣṭha* – ‘сильный, мощный’ < и.-е. **bel-/e* – ‘сильный’; ср. др.-греч. βέλτιστω (*béltisto*) – ‘лучший’. Следует отметить также сарматское βαλος (*balos*) – предположительно ‘обладающий силой’ [ЭСИЯ, I: 66].

Другие гидронимы

Характерным, и давно установленным признаком арийского ареала является гидроним *Rasa* в Ригведе (др.-инд *gasā* – ‘влажность’) = река *Raṇhā* в Авесте < и.-е. **rasa* – ‘влага’ (река *Рă* у Птолемея, Рава мордовском языке) [Георгиев 1958: 253]. Возможно, что в тот же период складывается арийское название реки *Даикс* (Δάϊξ у Птолемея), название которой, возможно происходит из арийск. **daik-s* – ‘благой’: санскр. *daikṣa* – ‘относящийся к (религиозному) посвящению’, осет. *ис-тæйаг* – ‘годный»; ср. лат. *dicatus* – ‘священный’, др.-греч. *dikaïos* – ‘пригодный, достойный, отличный’ и т.д. Значение идентично авестийской реке Вахви-Датия («Добрые воды») от др.-иранского *vahu* – ‘хороший’ + *dāitya* – ‘вода’.

Мандесарка (приток. Б. Караганки) возможно < санскр. корень *mand-* «медленный» (ср. сингальское *мандийа* – ‘спокойная вода’, санскр. *mandākinī* – приток реки Ганг) + санскр. *sar* – ‘течь’. По версии Н. И. Шувалова якобы от башкирского и казахского имени Мандесары, сложенного из диалектн. *манды* – ‘выздоровливающий’ + *сары* – ‘жёлтый’ [Шувалов 1989: 84]. Однако в словарях

имён такого имени не обнаруживается. Автор называет это имя одновременно и «распространенным» и состоящим из «диалектного» слова, даже не замечая, что диалектное не может быть распространённым.

Синташта, река: Согласно Государственному водному реестру река Синташты (Синташта, Жилкуар, Желкуар) имеет длину водотока 152 км. и впадает в реку Тобол. В 1973 году на реке обнаружено наполовину размытое поселение Синташта и Синташтинский могильник, датируемые бронзовым веком. Название реки дало имя *синташтинской археологической культуры*.

В литературе название реки Желкуар объясняют от казахского *желкуар* – ‘ветрогон, ветрогонная трава’, а название Синташта (Сынтасты) объясняют от казахского *сынтас* ‘надмогильный камень, изваяние’ – «река надмогильных камней». Рассмотрим в динамике, как появилось такое объяснение названия Синташты. В 1982 году Южно-Уральское книжное издательство выпустило топонимический словарь краеведа, преподавателя кафедры строительства Челябинского политехнического института Н. И. Шувалова. Автор объяснял название реки следующим образом: выделял тюркский компонент *таш* – ‘камень’, а компонент *син-* считал неясным: «обычно сближается с казахским *шин* или башкирским *сен*, *сын* – ‘истинный, настоящий’, т. е. ‘настоящая каменная’. Однако сочетание двух прилагательных не является закономерным для образования топонимов. Название реки «отражает каменистость дна реки». [Шувалов 1982: 90]. К 1989 году Н. И. Шувалов уточнил свое прежнее толкование. Ему представилось возможным связать название реки с казахским *сынтас* – ‘надмогильный камень, изваяние’ [Шувалов 1989: 112]. Однако в Большом Казахско-русском словаре К. Бектаева слова *сынтас* не имеется ⁷. Возможно, Н. И. Шувалов имел ввиду башкирское слово *хинташ* – ‘каменная баба, фигурный камень, истукан, идол’. Но и здесь автор допустил некоторую терминологическую вольность: точное словарное определение должно

⁷ Бектаев К. Большой казахско-русский, русско-казахский словарь. К. Бектаев – д.филолог. н., создатель Машинного фонда тюркских языков, автор 12 словарей.

исключать каменные кучи, для которых в тюркских языках есть отдельная терминология. Этимологически *хин-таш* – восходит к тюркскому *şin* – ‘туловище’ [ДТС: 503], башкирское *хин* – ‘туловище’. Далее по версии Н. И. Шувалова компонент *-ты* в названии Синтасты является словообразовательным аффиксом. Поскольку *хин-таш* этимологически сложносоставное слово, образованное от двух корневых морфем, то участие аффикса *-ты/-ды* проблематично. Если от Синташты перенестись через Уральский хребет на расстояние сотен километров, то можно убедиться, что имеется 11 башкирских топонимов, образованных от слова *хинташ*, и ни один не включает в себя аффикса *-ты* [Словарь топонимов Башкирской АССР: 166]. Почему тогда название реки Синташты должно быть исключением из правила совершенно необъяснимо и игнорировать этот факт невозможно.

В данном случае допустимо предполагать парониимию, которая нередко встречается в топонимике. Такие названия гор как Егоза или Собачьи горы в Челябинской горы кажутся вполне объяснимыми. Для пущей убедительности можно добавить, что на Собачьих горах вполне могли бегать стаи собак, а с горы Егозы могли осыпаться камни, потому она – ‘неспокойная’, но эти доводы не будут соответствовать действительности. Оронимы Егоза и Собачьи горы возникли в результате паронимии и переосмысления башкирских названий.

Более того, Н. И. Шувалов вообще не пишет, что на реке находились сооружения из камня. Дословно у автора сказано, лишь то, что *сынтасами* назвали «древние памятники в виде каменных куч и столбов». В издании 1989 года Н. И. Шувалов всё также настаивает, что значение реки – ‘каменистая’ и потому его можно сблизить со словом *сынтас* – ‘надмогильный камень, изваяние’. А уже дальше, когда толкование Н. И. Шувалова стало тиражироваться в СМИ, то под влиянием газетных публикаций, рассказывающих о раскопках на Синташинском могильнике, стали утверждать, что на реке якобы «найденны каменные насыпи и столбы». Ошибочная логика рассуждений здесь предельно проста: вблизи реки есть могильник, значит, там

должны быть могильные камни, отсюда ‘река, где есть могильные камни’. Этот силлогизм автоматически стал добавляться авторами публикаций как «факт», обрастая фантазиями на тему каменных насыпей и столбов, насколько позволяло воображение. Однако курганы Синташтинского могильника не имели в своей конструкции камня, а тем более там не было никаких изваяний. Они создавались из деревянных конструкций, обложенных глиняно-земляными блоками, и быстро покрывались дёрном (см. фото).

Фото: раскопки Синташтинского могильника в 2022 году. На заднем плане – Большой Синташтинский курган и река Синташта в своём верхнем течении. Посередине кургана хорошо заметен провал на месте погребальной камеры, перекрытой деревянными конструкциями. Вид берегов и почв также типичен отсутствием значимых признаков камня. Источник: «Российские древности» <https://russianold.ru/2022/09/10/sintashta2022/>

Существенным недостатком «кабинетных» интерпретаций является отсутствие привязки к реальной геологии местности. Хотя Н. И. Шувалов утверждает, что «в письменных источниках река упоминается в значении «каменная река», но не приводит указаний на них [Шувалов 1982: 90], хотя

правила научного исследования, безусловно, требуют такой ссылки. Это кажется странным, тем более что документы сразу бы подтвердили толкование, точная этимология которого кажется не совсем ясной. Во втором издании словаря «*письменные источники*» превращаются уже просто в «*источники*» и ссылки на них так и не появляются [Шувалов 1989: 112].

В действительности геологическое строение русла реки Синташты не может считаться каменистым. Брединский район, по которому протекает река, геологически представляет собой Зауральский пенеплен, покрытый толстым слоем осадочных пород, оставленных древними океанами. На холмах и увалах имеются выходы горных пород: осадочных (известняки, доломиты, глины) и вулканических (серпентиниты, базальты). В результате воздействия океанов черты первоначального горного рельефа утрачены настолько, что облик поверхности кажется независимым от геологических структур. Поверхностные образования рыхлого покрова, как правило, связные, пластичные, суглинистые и глинистые. В речных долинах Синташты и её притоков преобладают суглинисто-иловые осадки, реже встречаются песчаные и гравийно-галечные отложения. В среднем течении Синташты имеются сильно заболоченные берега, покрытые ивняком. Очевидно, что по своим характеристикам река никак не могла заслужить эпитет «каменистой».

Согласно нашей гипотезе название реки возможно объяснить от санскр. *sindhu* – ‘река’ + формы *óṣati*, *áuṣit* от санскр. *úṣ* – ‘рассвет’ < и.-е. корня *aus – ‘заря’; ср. авестийский ороним *Ushida* – ‘Рассветная’. Значение: «река рассветной стороны, текущая к востоку, к восходящему солнцу». Течение Синташты ориентировано на восток, и этот факт может быть основой для характеристики реки.

Вполне возможным представляется существование в евразийских степях гидронимии, восходящей к *sindhu*. Римский географ Плиний сообщает, что другое название реки Танаис (Дон) было *Sinum* (с явно латинизированной

флексией –m). По мнению О. Н. Трубачёва, гидроним *Sinum* является лёгким искажением синдо-меотского слова **sindu*, идентичного др.-инд. *sindhu* [Трубачёв 1976: 54]. Язык меотского племени синдов О. Н. Трубачёв классифицировал как принадлежащий к индоарийской языковой группе.

В степных регионах Восточной Европы и Западной Сибири индоарийский язык заменяется древнеиранским – ранним восточноиранским в конце II тыс. до н.э. [Напольских 2010: 239]. Для языков этого ареала значение гидронима оставалось понятным. С распространением в раннем средневековье древнетюркских наречий могли создаваться условия для появления древнетюркской кальки названия Синташты, которая в нижнем течении называется Желкуар,

Элемент *жел-* – может означать «река» (от древнетюркской основы *ja, jel* – ‘влага’, ср. др.-тюркское *jelpät* – ‘увлажнять’, казахское *жылға* – ‘ручей’). Элемент *-куар* в названии реки Желкуар, может быть связан с иранским божеством солнца Хваром (в заимствованиях из иранских языков – Куар): др.-иранск. **h(u)uag-*, авест. *hvar* – ‘солнце’, ср. др.-инд. *Sūrya* и *svār-, súvar* – ‘солнце, солнечный свет, сияющее небо’ < арийск. **s(u)uag-*, < и.-е. **sāuel-, *sūl-* – ‘солнце’ [ЭСИЯ I: 438]. Это солярное божество издавна почиталось скифами и сарматами (в алано-осетинской традиции известно культовое имя *Хурзæрин* – ‘солнце золотое’ [Яценко 2022: 151]. Скифы, во время своих походов на юг в VIII в. до н. э., принесли культ Куара в Закавказье, в царство Урарту [Салмин 2007: 40]. В середине I тыс. н.э. тюркские племена огузов, входящие в племенной союз гуннов, восприняли культ Куара у сармато-аланов. Они отождествляли Куара с богом неба Тенгри. Поэтому Куар приобрёл у огузов функции бога грома. Как божество молнии под именем *Кхгар* он почитался у предков чувашей. В качестве раннего источника имени Куара исследователи указывают авестийское *hvar* – ‘солнце’, которое имеет многочисленные параллели в восточно-иранских языках [Салмин 2007: 37-38].

Тобол. Отдельное место занимает гидроним Тобол (казах. Tobul, манси Tõrəl, калмыцкое Towl), возможно < и.-е. местоимение *to, tā: др.-инд. *etā-vant* – ‘столь большой, столь великий’, др. инд. *tāti* – ‘столько, так много’, др.-греч. *tósos* – ‘великий, столь большой’, «тохарское А» *tā-ne* – ‘такой вот’, лат. *tot* – ‘столько, так много») + *walə: тохарск. А *wäl* – ‘царь’, тохарское В *walo* – ‘царь’, «тохарское В» *walke* – ‘продолжительный’. Предполагаемое значение гидронима *to-wal: ‘столь великая (река)», ‘такая великая (~длинная) река’, ‘длинная-длинная река’. Возможно, гидроним восходит к и.-е. языку ямных и полтавкинских племён. По времени образования – период проникновения ямных племён в Южное Зауралье в первой половине III тыс. до н.э. Либо данный гидроним означает, что полтавкинцы участвовали в культурогенезе синташтинской и андроновских культур (так в могильниках Убаган и Алабуга на Тоболе отмечаются сходства с ямными памятниками) [Кузьмина 2014: 45]. Возможно, что в авестийских источниках Тобол упоминается как *Daraga* – ‘Длинная река’ в северных областях, что в таком случае является иранской калькой названия. В скифском языке звук *w переходит в *b* [Витчак 1992: 58], и тем самым объясняется чередование *w > *b* в названии реки. Вероятно, в эпоху бронзы и раннего железного века Тобол считался началом великой реки Обь. Гидроним пытались объяснять от казахского *табул* – ‘трава таволга’ или от *ту-бул* – ‘разграничительный знак’ [см. Никонов 1966: 420]. В Топонимическом словаре В. А. Никонова прокомментировано, что в системе гидронимов никто это название не изучал.

Выводы и заключение

1) Процесс дифференциации арийского языка на праиндоарийский и праиранский диалекты завершился в процессе распада катакомбной КИО. Часть племён катакомбной культуры, начиная с XXII в. до н.э., продвинулась до Предуралья, приняв участие в культурогенезе абашевцев, наряду с племенами шнуровой культуры. Абашевская общность представляет сферу формирования праиндоарийского языка и его вторичного контакта с прабалто-

славянским языком в условиях двуязычия населения. Оба языка взаимопонимаемы (стадия отдельных случаев непонимания). Параллельно процессы вторичного праиранского и балто-славянского контакта начинаются в вольско-лбищенской группе Среднего Поволжья;

2) В культурогенезе средней бронзы Волго-Уралья не исключается участие палеобалканских языков (фракийского, иллирийского), а также локальное присутствие кельтского языка. Носители этих языков могли быть вовлечены в процессы движения шнуровых племён или посткатакомбных племён на восток.

3) В топонимике Южного Урала выделяется субстрат, происходящий из раннего праиндоарийского языка. Его археологической основой являются абашевская и синташтинская культуры. Ряд фонетических и этимологических особенностей субстратных топонимов сохраняется в дардских языках. Вероятно, финал синташтинского периода связан с первой доведической волной движения индоариев на юг, с последующим выделением дардского языка из раннего праиндоарийского;

4) Некоторые элементы индоарийских топонимов не сводятся к периоду праарийского языка; они либо утрачены в иранских языках, либо никогда не присутствовали в их основе. Входя только в др.-индийский или только в дардский лексикон, они имеют точные соответствия в других и.-е. языках (в греческом, фракийском, иллирийском, кельтском, балто-славянском, праиталийском). Форманты -mal, -liyk, -gan и др. элементы, особенно гидроформант -san, возможно отражают вторичные контакты праиндоарийского языка, повлиявшие на формирование его лексического состава в конце среднего периода бронзового века.

5) Индоарийская языковая линия продолжается в культурах андроновской КИО. В областях срубно-алакульского контакта имеет место индоарийско-праиранское двуязычие. На юге андроновской КИО также распространён

прануристанский язык, сформировавшийся в культуре Заман-Баба в результате перемещения катакомбных племён.

Источники

ДТС — Древнетюркский словарь / Ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 676 с.

ЭСИЯ — Расторгуева В. С. Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 1. М.: «Восточная литература» РАН, 2000. 327 с.; Т.4. М.: «Восточная литература» РАН, 2011. 415 с.

KEWA — Mayrhofer M. Kurzgefasstes Etymologisches Woerterbuch des Altindischen. Heidelberg: Winter.1956-1980. Bd.1. 1953-1956.

LKEŽDB — Lietuvių kalbos etimologinio žodyno duomenų bazė. [Электронный ресурс]. URL: <http://etimologija.baltnexus.lt>.

NEL — Strand Richard F. Nûristânî Etymological Lexicon. URL: <http://nuristan.info/IngFrameL.html>

Pokorny — Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Bern: Francke, 1959–1969.

Научно-исследовательская литература

Абаев В. И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Сб. «Древний восток и античный мир». М., Наука, 1972. С. 26-36.

Абсадык А. Тайны гидронима Убаган // Наша газета. Костанайский региональный портал. 18.11.2023 // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ng.kz/modules/news/article.php?storyid=50603>.

Абсалямова Ю. А. Гора Ирмель в сакральной топографии башкир // Вестник Самарского университета. История. Педагогика. Философия. 2022. Т. 28, № 4. С.15-23.

Агеева Р. А. Происхождение названий рек и озёр. М.: Наука, 1985. 144 с.

Басик С. Н. Общая топонимика. Минск: БГУ, 2006, 197 с.

Березанская С. С. Культура многоваликовой керамики // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986. С. 5-43.

Битанова А. С. Из наблюдений над казахской топонимикой Кустанайской области // Вопр. ономастики. Вып. 1. Свердловск, 1961, С.41–43.

Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история, 2-е изд., испр. и дополненное. – М.: Мысль, 1983. –206 с.

Борзунов В. А., Стефанов В. И., Бельтикова Г. В., Кузьминых С. В. Серный Ключ – памятник абашевской «Экспедиции» в горно-лесную зону Урала // Российская археология. 2020. № 1. С. 117-131.

Букачёва А.О., Макуров Ю. С. Синташтинский могильник: итоги сезона 2022 года // Российские древности. URL: <https://russianold.ru/2022/09/10/sintashta2022/>

Бухарова Г. Х. Топонимы индоиранского происхождения, характеризующие водные объекты и горный ландшафт Башкортостана // Вестник Академии наук РБ. 2013. Том 18. № 2. С. 66-79.

Васильев И. Б. Вольск-Лбище – новая культурная группа эпохи средней бронзы в Волго-Уралье // Абашевская КИО: истоки, развитие, наследие. Материалы междунар. науч. конф., Чебоксары, 2003. С. 107-111.

Васильев И. Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А. Ранний и средний бронзовый век Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000. С. 6-64.

Витчак К. Т. Скифский язык: опыт описания // Вопросы языкознания. – 1992. № 5. С. 50-59.

Воронков А. А. Формант –gan в гидронимах Южного Зауралья // Lingua mobilis, 2013. № 4. С.11-19.

Воронков А. А. Лингвистическая карта Южного Урала эпохи бронзы // Южный Урал в начале эпохи металлов. Бронзовый век. /А. В. Епимахов и др. // История Южного Урала: в 8 т. / Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2019. Т. 2. С. 357-385.

Воронков А. А. Озеро Ирентик, хребет Ирндык и субстратные слои в

топонимике Южного Урала // Вестник ЮУРГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2021. Т. 21. № 4. С. 6-12.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейская прародина и расселение индоевропейцев: полвека исследований и обсуждений // Вопросы языкового родства. № 9. 2013. С. 110-136

Генинг В. Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племён // Советская археология. 1977. № 4. С. 54-73.

Георгиев В. И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М.: Изд. иностр. лит., 1958. 317 с.

Дыбо В. А. Диалектное членение праиндоевропейского языка по акцентологическим данным // Journal of Language Relationship – Вопросы языкового родства. 2013. № 9. С. 93-108.

Дьяконов И. М. Прародина индоевропейцев /по поводу книги Е. Е. Кузьминой «Откуда пришли индоарии? – М. 1994» // ВДИ, 1995, № 1. С. 123-130.

Зданович Г. Б. Аркаим: Арии на Урале, или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия, Челябинск: Каменный пояс, 1995. С. 21-42.

Зданович Д. Г. Синташтинско-микенский культурно-хронологический горизонт: степи Евразии и элладский регион в XVIII-XVI вв. до н.э. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: материалы конференции, Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1995, часть V. Кн. 1. С. 63-65.

Злыгостев А. С. Ботанико-географические районы Южного Урала // Plantlife.ru // URL: <http://plantlife.ru/books/item/f00/s00/z00000039/st003.shtml>

Иванов Вяч. Вс. К возможной лингвистической интерпретации открытия Аркаима и Синташты // Комплексные общества Центральной Евразии в III – I тыс. до н.э.: Региональные особенности в свете универсальных моделей. Материалы к конференции / Под ред. Д. Г. Здановича, Н.О. Ивановой, И.В. Предеиной. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1999. С. 45-47.

Кияшко А. В. К вопросу о катакомбно-абашевском взаимодействии //

Абашевская КИО: истоки, развитие, наследие. Материалы междунар. науч. конф., Чебоксары, 2003. С. 103-106.

Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана / Отв. ред. А.Т. Кайдаров. Алма-Ата: Изд. «Наука» Казахской ССР, 1974. 274 с.

Кувандыкская энциклопедия / Гл. ред.-сост. С. М. Стрельников. — Челябинск: Челябинский Дом печати, 2013. 407 с.

Кузьмина Е. Е. Абашево, Синташта и происхождение индоиранцев // Абашевская КИО: истоки, развитие, наследие. Материалы междунар. науч. конф., Чебоксары, 2003. С. 76-77.

Кузьмина Е. Е. Арии – путь на юг. Изд. 2-е. М.: Летний сад, 2014. 558 с.

Литвиненко Р. А. Южно-Уральский очаг культуругенеза и культура Бабино (КМК): проблема взаимосвязи // Абашевская КИО: истоки, развитие, наследие. Материалы междунар. науч. конф., Чебоксары, 2003. С. 145-152.

Лопатин В. А. Вольско-лбищенский вектор культуругенеза // Археологическое наследие Саратовского края. Выпуск 10. Саратов: 2012, 230 с.

Матвеев А. К. Древнеуральская топонимия и ее происхождение // Вопросы археологии Урала. Вып. 1. Свердловск, 1961. С. 133-141.

Матвеев А. К. Вершины Каменного пояса. Названия гор Урала. Изд. 2-е, перераб. и дополн. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд., 1990. 288 с.

Мельник В. И. Катакомбная культурно-историческая область: структура, номенклатура, динамика развития // Краткие сообщения Инст. археологии РАН. Вып. 223. 2009. С. 271-274.

Мимоход Р. А. Культуры и культуругенез на востоке посткатакомбного мира. Дисс. докт. ист. наук: 5.6.3; ФГБУН Институт археологии РАН. М., 2022. 1016 с.

Михайлов Ю. И. К проблеме определения этнокультурной принадлежности синташтинских памятников // Степи Евразии в древности и средневековье: материалы междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. М. П. Грязнова. СПб: Изд. Гос. Эрмитажа, 2002, Кн. 1. С. 200-204.

Напольских В. В. Уральско-арийские взаимоотношения: история

исследований, новые решения и проблемы // Индоевропейская история в свете новых исследований (Сб. трудов конф. памяти проф. В. А. Сафронова). М.: Изд. МГОУ. 2010. С. 231-244.

Напольских В. В. Проблема начала фино-угорско-иранских контактов // Напольских В. В. Очерки по этнической истории. Казань: Инст. археологии им. А. Х. Халикова АН Респ. Татарстан, 2015. С. 124–140.

Николаева Н. А. Древнейшая история Предкавказья в свете концепции индоевропейских миграций (часть 2) // Oriental Studies. 2019. №. 4. С. 570-579. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-570-579

Никонов В. А. Топонимический словарь. М.: Мысль, 1966, 509 с.

Оранский М. И. Иранские языки в историческом освещении. М.: Наука, 1979. 238 с.

Откупщиков Ю.В. Догреческий субстрат. У истоков европейской цивилизации. Л.: Изд. ЛГУ, 1988. – 267 с.

Откупщиков Ю. В. Очерки по этимологии. СПб: Изд. С.-Петерб. ун-та, 2001, 480 с.

Плаксина А. М., Маркова Л. М., Макарова К. С. Восстановление степных ландшафтов в режиме заповедования на примере заповедника «Аркаим» // Степи Северной Евразии: материалы IX международного симпозиума / под научной редакцией академика РАН А.А. Чибилёва, Оренбург: Изд. ОГУ, 2021. С.642-649.

Поздняков А. А. К происхождению некоторых названий семейства псовых // Acta linguistica. 2011. V. 5. № 2. С. 69–79.

Пойменные леса // Лесная энциклопедия: В 2-х т., т.2 / Гл.ред. Воробьев Г. И.; –М.: Сов. энциклопедия, 1986. 631 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://forest.geoman.ru/forest/item/f00/s02/e0002200/index.shtml>

Река Куросан // Челябинская область // [Электронный ресурс]. URL: - <http://chel-portal.ru/enc/Куросан>

Салмин А. К. Чувашское божество Кгвар // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. / Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); [отв. ред. Ю. К. Чистов, Е. А. Михайлова]. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2007. С. 36-41.

Словарь топонимов Башкирской АССР / Под ред. Т. М. Гарипова, А. А. Камалова, З. Г. Ураксина. – Уфа: Башкирское кн. изд., 1980. 200 с.

Стеблин-Каменский И.М. Вступительные статьи // Гаты Заратуштры / Пер. с авест., коммент. и прил. И.М. Стеблин-Каменского. – СПб.: Петерб. Востоковедение, 2009. – С. 4–32.

Сухорукова Е. П. Полтавкинская и волго-донская культуры эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья: по материалам погребальных памятников // Автореф. дисс. канд. ист. наук: 07.00.06 / Кияшко А. В.; С.-Петерб. гос. ун-т. СПб, 2008. 21 с.

Топоров В.Н. Балтийские языки // Языки мира. Балтийские языки / ред. В.Н. Топоров. М.: Academia, 2006. С. 10-49.

Трубачёв О. Н. О синдах и их языке // Вопросы языкознания. 1976. № 4. С. 39-63.

Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация // Трубачев О. Н Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 4. М., 2009. С. 381-694.

Хелимский Е. А Южные соседи финно-угров: иранцы или исчезнувшая ветвь ариев? // Компаративистика, уралистика: лекции и статьи. – М. Языки русской культуры. 2000. С. 502-511

Хохлов А. А., Солодовников К. Н., Рыкун М. П., Кравченко Г. Г., Китов Е. П. Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур Евразии начального этапа бронзового века // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – № 3. С. 86-103.

Фрибус А.В. Происхождение афанасьевской культуры: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Шер Я. А.; Кемеровский гос. ун-т. Кемерово, 1999. 26 с.

Шапошников А. К. Языковые реликты фракийского облика в Северном Причерноморье // Этимология 2009–2011. Отв. ред. Ж. Ж. Варбот. М.: Наука, 2012. С. 252-308.

Шувалов Н. И. От Парижа до Берлина по карте Челябинской области. Топонимический словарь. Челябинск: ЮУКИ, 1982. 127 с.

Шувалов Н. И. От Парижа до Берлина по карте Челябинской области. Топонимический словарь. Изд. 2-е, перераб. и дополн. Челябинск: ЮУКИ, 1989. 160 с.

Яхонтов С. Е. Оценка степени близости родственных языков // Теоретические основы классификации языков мира. М.: Наука. 1980. С. 148-157.

Яценко С. А. Боги сарматов. // МАИАСП. № 51. 2022. С. 143-170.

Blažek V. From August Schleicher to Sergei Starostin: On the development of tree-diagram models of the Indo-European languages, The Journal of Indo-European studies. Vol. 35, 2007. pp. 82-109.

Karpeľan K., Parpola A. The Abashevo culture and the Earliest history of the Indo-Iranian and the Uralic (Finno-Ugric) languages // Абашевская КИО: истоки, развитие, наследие. Материалы междунар. науч. конф. / Чебоксары, 2003. С. 78-79

Kassian A. S, Zhivlov M. A., Starostin G. S., Trofimov A.A., Kocharov P. A., Kuritsyna A. V., Saenko M. N., Rapid radiation of the Inner Indo-European languages: an advanced approach to Indo-European lexicostatistics // Linguistics. – 2021. – Vol.59. – № 4. – URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/ling-2020-0060/html>. (дата обращения: 16.02.2023).

Lichardus J. and Vldar J. Karpatenbecken – Sintasta – Mikeny Ein Beitrag Zur Definition Der Brinntzeit Als Historischer Epoche // Slovenská archeológia. T. XLIV-1. 1996. P. 25-93.

Olander T. The early disintegration of Indo-European. When archaeology meet linguistics and genetics, Gothenburg University, 3 May 2018.

Parpola A. Finnish vatsa ~ Sanskrit vatsá- and the formation of Indo-Iranian and Uralic languages // *SUSA/JSFOu* 96, 2017. P. 245-286.

Voronkov, Alexander Anatolievich, historian, Russian Federation, alvin21@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1824-5631>

Reference

Abaev V. I. (1972) K voprosu o prarodine i drevnejshih migracijah indoiranskih narodov [On the issue of the ancestral homeland and ancient migrations of the Indo-Iranian peoples] In «Drevnij vostok i antichnyj mir» [The Ancient East and the Ancient World]. (pp. 26-36). Moscow: Nauka. (In Russian).

Absadyk A. (2023) Tajny gidronima Ubagan [Secrets of the hydronym Ubagan] // *Nasha gazeta. Kostanajskij portal*. 18.11.2023 // Retrieved from <https://www.ng.kz/modules/news/article.php?storyid=50603>. (In Russian). (accessed on 3 January 2024).

Absalyamova Yu. A. (2022) Gora Iremel' v sakral'noj topografii bashkir [Mount Iremel in the sacred topography of the Bashkirs]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija. Pedagogika. Filosofiya*. T. 28, № 4. pp.15-23. (In Russian)

Ageeva R. A. (1985) Proiskhozhdenie nazvanii rek i ozer [Origin of the names of rivers and lakes]. Moscow: Nauka, p. 101 (In Russian)

Basik S. N. (2006) Obshchaya toponimika [General toponymy]. Minsk: BGU. (In Russian)

Berezanskaya S. S. (1986) Kul'tura mnogovalikovo keramiki // Kul'tury epokhi bronzy na territorii Ukrainy [Culture of multi-roll ceramics // Cultures of the Bronze Age on the territory of Ukraine]. Kiev. pp. S. 5-43. (In Russian)

Bitanova A. S. (1961) Iz nablyudenij nad kazahskoj toponimikoj Kustanajskoj oblasti [From observations of Kazakh toponymy of the Kustanai region] // *Voprosy onomastiki*. Rel. 1. Sverdlovsk, 1961, pp. 41–43. (In Russian)

Borzunov V. A., Stefanov V. I., Bel'tikova G. V., Kuz'minykh S. V. (2020) Sernyi Klyuch – pamyatnik abashevskoi «Ekspeditsii» v gorno-lesnuyu zonu Urala [Serny

Klyuch - a monument to Abashev's "Expedition" to the mountain-forest zone of the Urals] // *Rossiiskaya arkheologiya*. № 1. pp. 117-131. (In Russian)

Buharova G. H. (2013) Toponimy indoiranskogo proiskhozhdeniya, harakterizuyushchie vodnye ob"ekty i gornyy landshaft Bashkortostana [Toponyms of Indo-Iranian origin characterizing water bodies and mountain landscape of Bashkortostan] // *Vestnik Akademii nauk RB*. Vol.18. № 2. pp. 66-79. (In Russian)

Vasil'ev I. B. (2003) Vol'sk-Lbishche – novaya kul'turnaya gruppa epokhi srednei bronzy v Volgo-Ural'e [Volsk-Lbishche - a new cultural group of the Middle Bronze Age in the Volga-Ural region] // Abashevskaya KIO: istoki, razvitie, nasledie. Materialy mezhdunar. nauch. konf. [Abashevo culture: origins, development, heritage. Proceedings of the international scientific conference]. Cheboksary, pp.107-111. (In Russian)

Vasil'ev I. B., Kuznetsov P.F., Turetskii M.A. (2000) Rannii i srednii bronzovyi vek Samarskogo Povolzh'ya [Early and Middle Bronze Age of the Samara Volga region] // *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Bronzovyi vek* [History of the Samara Volga region from ancient times to the present day. Bronze Age]. Samara, pp. 6-64. (In Russian)

Voronkov A. A. (2013) Formant –gan v gidronimah Yuzhnogo Zaural'ya [Formant –gan in hydronyms of the Southern Trans-Urals]. *Lingua mobilis*, № 4, pp. 11-19. (In Russian)

Voronkov A. A. (2019) Lingvisticheskaya karta Yuzhnogo Urala epokhi bronzy // *Yuzhnyi Ural v nachale epokhi metallov. Bronzovyi vek* [Southern Urals at the beginning of the metal era. Bronze Age.] / A. V. Epimakhov and others // *Istoriya Yuzhnogo Urala: v 8 t.* [History of the Southern Urals: in 8 volumes] / Chelyabinsk: Izdat. tsentr YuUrGU, Vol. 2. pp. 357-385. (In Russian)

Voronkov A. A. (2021) Ozero Irentik, hrebet Irendyk i substratnye sloi v toponimike Yuzhnogo Urala [Lake Irentik, Irendyk ridge and substrate layers in the toponymy of the Southern Urals]. *Vestnik yuzhnoural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Social'no-gumanitarnye nauki»*. Vol 21. № 4. pp. 6-12. (In Russian)

Russian)

Gamkrelidze T. V., Ivanov Vyach. Vs. (2013) *Indoevropeskaya prarodina i rasselenie indoevropaitsev: polveka issledovaniy i obsuzhdenii* [The Indo-European homeland and the settlement of Indo-Europeans: half a century of research and discussion] // *Voprosy yazykovogo rodstva*, № 9, pp.110-136. (In Russian)

Gening V. F. (1977) *Mogil'nik Sintashta i problema rannih indoiranskikh plemyon* [Sintashta burial ground and the problem of early Indo-Iranian tribes]. *Sovetskaya arheologiya*, № 4, pp. 54-73. (In Russian)

Georgiev V. I. (1958) *Issledovaniya po sravnitel'no-istoricheskomu yazykoznaniiu* [Research in comparative historical linguistics] Mosco.: Izd. inostr. lit., 317 p.

Drevnetjurkskij slovar` (1969) [Ancient Turkic dictionary]. In V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak (Eds.) Leningrad: Nauka. (In Russian)

Dybo V. A. (2013) *Dialektnoe chlenenie praindoevropeskogo yazyka po aktsentologicheskim dannym* [Dialectal division of the Proto-Indo-European language according to accentological data] // *Journal of Language Relationship – Voprosy yazykovogo rodstva*. 2013. № 9. pp. 93-108. (In Russian)

D'yakonov I. M. (1995) *Prarodina indoevropaitsev /po povodu knigi E. E. Kuz'minoy «Otkuda prishli indoarii? – M. 1994»* [The ancestral home of the Indo-Europeans / regarding the book by E. E. Kuzmina "Where did the Indo-Aryans come from? – Moscow, 1994"] // *Vestnik drevney istorii*, № 1. pp.123-130. (In Russian)

Zdanovich G. B. (1995) *Arkaim: Arii na Urale, ili nesostoyavshayasya civilizatsiya* [Arkaim: Aryans in the Urals, or a failed civilization] // *Arkaim: Issledovaniya. Poiski. Otkrytiya* [Research. Search. Discoveries]. Chelyabinsk: Kamennyj poyas, pp. 21-42. (In Russian)

Zdanovich D. G. (1995) *Sintashtinsko-mikenskiy kul'turno-hronologicheskij gorizont: stepi Evrazii i elladskij region v XVIII-XVI vv. do n.e.* [Sintashta-Mycenaean cultural-chronological horizon: the steppes of Eurasia and the Hellenic

region in the 18th-16th centuries. BC] In Rossiya i Vostok: problemy vzaimodejstviya: materialy konferencii [Russia and the East: problems of interaction: conference materials], Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 1995, Parte V. Vol. 1. pp. 63-65. (In Russian)

Zlygostev A. S. Botaniko-geograficheskie rajony Yuzhnogo Urala [Botanical-geographical regions of the Southern Urals]. Retrieved from <http://plantlife.ru/books/item/f00/s00/z0000039/st003.shtml> (In Russian) (accessed on 5 January 2023).

Ivanov V. Vs. (1999) K vozmozhnoj lingvisticheskoy interpretacii otkrytiya Arkaima i Sintashty [Towards a possible linguistic interpretation of the discovery of Arkaim and Sintashta]. In D. G. Zdanovich, N.O. Ivanova, I.V. Predeina (Eds). Kompleksnye obshchestva Central'noj Evrazii v III – I tys. do n.e.: Regional'nye osobennosti v svete universal'nyh modelej. Materialy k konferencii [Complex societies of Central Eurasia in the 3rd – 1st millennium BC: Regional features in the light of universal models. Materials for the conference]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 1999. pp.45-47. (In Russian)

Kiyashko A. V. (2003) K voprosu o katakombno-abashevskom vzaimodeistvii [On the issue of the Catacomb-Abashevo interaction] // Abashevskaya KIO: istoki, razvitie, nasledie. Materialy mezhdunar. nauch. konf. [Abashevo culture: origins, development, heritage. Proceedings of the international scientific conference]. Cheboksary, pp. 103-106. (In Russian)

Kojchubaev E. (1974) Kratkij tolkovyj slovar' toponimov Kazakhstana [Brief explanatory dictionary of toponyms of Kazakhstan] / In A.T. Kajdarov (Ed.) Alma-Ata: «Nauka» Kazahskoj SSR. (In Russian)

Kuvandykskaya entsiklopediya (2013) [Kuvandyk encyclopedia] / In S. M. Strel'nikov (Eds.),. Chelyabinsk: Chelyabinskii Dom pechati, 2013. – 407 s. (In Russian)

Kuz'mina E. E. (2003) Abashevo, Sintashta i proiskhozhdenie indoirantsev [Abashevo, Sintashta and the origin of the Indo-Iranians] // Abashevskaya KIO: istoki, razvitie, nasledie. Materialy mezhdunar. nauch. konf. [Abashevo culture:

origins, development, heritage. Proceedings of the international scientific conference]. Cheboksary, pp. 76-77. (In Russian)

Kuz'mina E. E. (2014) *Arii – put' na yug* [Arias - the Way to the South]. Second edition. Moscow: Letnij sad. (In Russian)

Litvinenko R. A. (2003) *Yuzhno-Ural'skii ochag kul'turogeneza i kul'tura Babino (KMK): problema vzaimosvyazi* [The South Ural center of cultural genesis and the Babino culture (Multi-roller ceramics culture): the problem of relationship] // *Abashevskaya KIO: istoki, razvitie, nasledie. Materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Abashevo culture: origins, development, heritage. Proceedings of the international scientific conference]. Cheboksary, pp.145-152. (In Russian)

Lopatin V. A. (2012) *Vol'sko-lbishchenskii vektor kul'turogeneza* [Volsko-Lbishchensky vector of cultural genesis] // *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia* [Archaeological heritage of the Saratov region]. Rel. 10. Saratov. 230 p. (In Russian)

Matveev A.K. (1961) *Drevneural'skaya toponimiya i ee proiskhozhdenie* [Ancient Ural toponymy and its origin]. *Voprosy arheologii Urala*. Releas 1. Sverdlovsk, pp.133-141. (In Russian)

Matveev A. K. (1990) *Vershiny Kamennogo poyasa. Nazvaniya gor Urala* [Peaks of the Stone Belt. Names of the mountains of the Urals]. Second edition. Chelyabinsk: South Ural Book Publishing House. (In Russian)

Mel'nik V. I. (2009) *Katakombnaya kul'turno-istoricheskaya oblast': struktura, nomenklatura, dinamika razvitiya* [Catacomb cultural-historical area: structure, nomenclature, dynamics of development] // *Kratkie soobshcheniya Inst. arkheologii RAN* [Brief communications from the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences]. Rel. 223. pp. 271-274. (In Russian)

Mimokhod R. A. (2022) Kul'tury i kul'turogenez na vostoke postkatakombnogo mira [Cultures and cultural genesis in the east of the post-Catacomb world]: Diss. of doct. hystor. sc. Moscow, 1016 p. (In Russian)

Mikhailov Yu. I. (2002) K probleme opredeleniya etnokul'turnoi prinadlezhnosti sintashtinskih pamyatnikov [On the problem of determining the ethnocultural affiliation of Sintashta monuments] // Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e: materialy mezhdunar. nauch. konf., posv. 100-letiyu so dnya rozhd. M. P. Gryaznova [Steppes of Eurasia in antiquity and the Middle Ages: materials of the international. scientific conf., dedicated 100th anniversary of his birth. M. P.], Saint Petersburg: Izd. Gos. Ermitazha, Book 1. pp. 200-204. (In Russian)

Napol'skih V. V. (2015) Problema nachala fino-ugorsko-iranskih kontaktov [The problem of the beginning of Finno-Ugric-Iranian contacts] // Napol'skih V. V. Ocherki po etnicheskoy istorii [Essays on ethnic history] Kazan': Institute of Archeology named after A. H. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic Tatarstan, pp. 124–140. (In Russian)

Nikolaeva N. A. (2019) Drevneishaya istoriya Predkavkaz'ya v svete kontseptsii indoevropeiskikh migratsii (chast' 2) [The ancient history of Ciscaucasia in the light of the concept of Indo-European migrations (part 2)] // *Oriental Studies*. №. 4. pp. 570-579. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-570-579 (In Russian)

Nikonov V. A. Toponimicheskij slovar` [Toponymic dictionary]. Moscow: Mysl`, 509 s.

Oranskij I. M. (1979) Iranskie jazyki v istoricheskom osveschenii [Iranian languages in historical coverage]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Otkupshchikov Yu. V. (1988) Dogrecheskii substrat. U istokov evropeiskoi tsivilizatsii [Pre-Greek substrate. At the origins of European civilization]. Leningrad: Publishing house of the Leningrad State University, 267 p. (In Russian)

Otkupshchikov Yu. V. (2001) Ocherki po etimologii [Essays on etymology]. Saint Petersburg: Izd. S.-Peterb. un-ta. 480 p. (In Russian)

Plaksina, A. M., Markova, L. M., Makarova, K. S. (2021) Vosstanovlenie

stepnyh landshaftov v rezhime zapovedovaniya na primere zapovednika «Arkaim» [Restoration of steppe landscapes in the conservation regime using the example of the Arkaim Nature Reserve] In Academician of the Russian Academy of Sciences A.A. Chibilyov (Ed.), *Stepi Severnoj Evrazii: materialy IX mezhdunarodnogo simpoziuma* [Steppes of Northern Eurasia: materials of the IX international symposium]. Orenburg: Publishing house of Orenburg State University, pp.642-649. (In Russian)

Pozdnyakov, A. A. (2011) K proiskhozhdeniyu nekotoryh nazvanij semeystva psovyh [On the origin of some names of the canine family]. *Acta linguistica*. 2011. Vol. 5. № 2. pp. 69–79. (In Russian)

Rastorgueva, V. S., Jedel`man, D. I. (2000), *Jetimologicheskij slovar` iranskih yazykov* [Etymological dictionary of Iranian languages]. Vol. 1. Moscow: «Vostochnaja literatura» RAN. (In Russian).

Toporov V. N. (2006) *Baltiiskie yazyki* [Baltic languages] // *Yazyki mira. Baltiiskie yazyki* [Languages of the world. Baltic languages] / In V.N. Toporov (Eds.). Moscow: Academia, pp. 10-49.

Trubachev O. N. (2009) *Nazvaniya rek Pravoberezhnoj Ukrainy: Slovoobrazovanie. Etimologiya. Etnicheskaya interpretaciya* [Names of rivers of Right Bank Ukraine: Word formation. Etymology. Ethnic interpretation] // Trubachev O. N. *Trudy po etimologii: Slovo. Istoriya. Kul'tura* [Works on etymology: The Word. Story. Culture]. Vol. 4. Moscow: Yazyki slavianskoj kul'tury, pp. 381-694. (In Russian)

Slovar' toponimov Bashkirskoj ASSR (1980) [Dictionary of toponyms of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic] / In T. M. Garipova, A. A. Kamalova, Z. G. Uraksina (Eds.). Ufa: Bashkirian book publishing house (In Russian).

Steblin-Kamenskii I. M. (2009) *Vstupitel'nye stat'i* [Introductory articles] // *Gaty Zaratushtry* [Gathas of Zarathushtra] / Translation from Avestan, comments and applications by I. M. Steblin-Kamensky. Saint Petersburg: Peterburg. *vostokovedenie*, pp. 4–32. (In Russian)

Sukhorukova E. P. (2008) *Poltavkinskaya i volgo-donskaya kul'tury epokhi*

srednei bronzy Nizhnego Povolzh'ya i Volgo-Donskogo mezhdurech'ya: po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov [Poltavkino and Volga-Don cultures of the Middle Bronze Age of the Lower Volga region and the Volga-Don interfluvium: based on materials from funerary monuments]: autoabstr. of cand. histor. sc. thesis. Saint Petersburg, 21 p. (In Russian)

Khokhlov A. A., Solodovnikov K. N., Rykun M. P., Kravchenko G. G., Kitov E. P. (2016) Kraniologicheskie dannye k probleme svyazi populyatsii yamnoi i afanas'evskoi kul'tur Evrazii nachal'nogo etapa bronzovogo veka [Craniological data on the problem of the connection between the populations of the Yamnaya and Afanasyevskaya cultures of Eurasia at the initial stage of the Bronze Age] // *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. № 3. pp. 86-103. (In Russian)

Fribus A.V. (1999) Proiskhozhdenie afanas'evskoi kul'tury [Origin of Afanasyevskaya culture]: autoabstr. of cand. histor. sc. thesis. Kemerovo, 26 p. (In Russian)

Shaposhnikov, A. K. (2012) Yazykovye relikty frakijskogo oblika v Severnom Prichernomor'e [Linguistic relics of the Thracian appearance in Northern] // *Etimologiya 2009–2011*. In Zh. Zh. Varbot (Ed.) Moscow: Nauka, pp. 252-308. (In Russian)

Shuvalov, N. I. (1989) Ot Parizha do Berlina po karte Chelyabinskoi oblasti [From Paris to Berlin on the map of the Chelyabinsk region. Toponymic dictionary]. Chelyabinsk: South Ural Book Publishing House (In Russian).

Yakhontov S. E. (1980) Otsenka stepeni blizosti rodstvennykh yazykov [Assessing the degree of proximity of related languages] // *Teoreticheskie osnovy klassifikatsii yazykov mira* [Theoretical foundations of the classification of world languages], Moscow: Nauka, pp.148-157.

Karpelan K., Parpola A. (2003) The Abashevo culture and the Earliest history of the Indo-Iranian and the Uralic (Finno-Ugric) languages // *Abashevskaya KIO: istoki, razvitie, nasledie*. Materialy mezhdunar. nauch. konf. [Abashevskaya Cultural-Historical Community: origins, development, heritage. Materials of the international

scientific conferences] In S.N. Bochkarev, S.N. Korenevskij, P. F. Kuznecov, O. V. Kuz'mina, N. S. Munchaev, M. K. Petrovskaya, A.D. Pryahin, A. A. Trofimov (Eds.), Cheboksary, pp.78-79. (In English)

Blažek V. From August Schleicher to Sergei Starostin: On the development of tree-diagram models of the Indo-European languages, *The Journal of Indo-European studies*. Vol. 35, 2007. pp. 82-109. (In English)

Kassian A. S, Zhivlov M. A., Starostin G. S., Trofimov A.A., Kocharov P. A., Kuritsyna A. V., Saenko M. N. (2021), Rapid radiation of the Inner Indo-European languages: an advanced approach to Indo- European lexicostatistics // *Linguistics*. – 2021, Vol.59, № 4. URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/ling-2020-0060/html>. (date of access: 16.02.2023). (In English)

Olander T. The early disintegration of Indo-European. When archaeology meet linguistics and genetics, Gothenburg University, 3 May 2018. (In English)

Parpola A. Finnish vatsa ~ Sanskrit vatsá- and the formation of Indo-Iranian and Uralic languages // *SUSA/JSFOu* 96, 2017. P. 245-286. (In English)

SUBSTRATE TOPONIMICS AS A SOURCE ON LINGUOGENESIS OF SINTASHTA CULTURE A.A. Voronkov, historian, Chelyabinsk, Russia.

The results of etymological studies allow us to conclude that the origin of a number of substrate toponyms of the Southern Urals is associated with the early Proto-Indo-Aryan language (Dardic- Indo-Aryan language). Modeling of historical processes makes it possible to establish the chronological connection of these toponyms with the Abashev and Sintashta cultures of the Middle Bronze Age.

Keywords: Sintashta culture, Abashev culture, Indo-Aryans, Aryan language, Dardic languages, etymology.